

Г. И. КОЛЯДА

Работа Ивана Федорова над текстами Апостола и Часовника и вопрос о его уходе в Литву

Первого марта 1564 г. Иван Федоров вместе с Петром Тимофеевичем Мстиславцем закончил в Москве печатание Апостола.¹ О том, что они делали после этого до 7 августа 1565 г., когда начали печатать первое издание Часовника, не сохранилось никаких сведений. Но отсутствие напечатанных ими книг за указанное время еще нельзя принимать за безусловное свидетельство того, что и книгопечатания не было. Ведь еще несколько лет тому назад мы ничего не знали о «Грамматике», которую сложил Иван Федоров и напечатал во Львове в 1574 г.

Можно с большой долей вероятности говорить, что Иван Федоров был занят в указанное время подготовкой к печати текста второго издания Часовника. Но по крайней мере в какой-то отрезок этого времени, скорее всего во второй половине 1564 г., книгопечатание в Москве происходило. Об этом довольно обстоятельно рассказывает Рафаэль Барберини: «В прошлом году ввели они у себя печатание . . . и я сам видел, с какою ловкостью уже печатались книги в Москве».² А в Москву Барберини прибыл летом 1564 г., летом же 1565 г. оставил ее; перед 11 июля он был уже в Антверпене.³

Не успев закончить первое издание Часовника, приступили ко второму. Напечатано оно было 29 октября 1565 г.⁴ Других московских изданий Федорова после второго Часовника мы не знаем. Надо думать, что их и не было. После выхода в свет Часовников для наших первопечатников сложились такие условия, при которых они не могли оставаться на Руси и вынуждены были «от земли, и от отечества, и от рода» своего уйти «в иные страны незнаемы».

Хотя в «Повести» — послесловии своего львовского Апостола Федоров и говорит о причинах, заставивших его и Петра Мстиславца уйти из Москвы, но в научной литературе единства в этом вопросе нет. Однако большинство авторов сходится на том, что поводом к уходу послужила ересь.⁵ Чтобы выяснить, в чем же могла состоять ересь наших первопечатников, необходимо сравнить текст Апостола и второго издания Ча-

---

¹ И. Каратаев. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами . . . с 1491 по 1652 г. СПб., 1883 (далее: Каратаев), № 69.

² Рафаэль Барберини. Путешествие в Московию в 1565 году. — Сын отчества СПб., 1842, № 7, стр. 22—23.

³ И. Гамель. Англичане в России в XVI—XVII ст. — Приложение к VII тому «Записок Академии наук. СПб., 1865, стр. 73, 74, 275, 276; N. Tcharykov. Le chevalier Raphaël Barberini chez le tsar Jean le Terrible (1564). — Revue d'histoire diplomatique . . . dix huitième année. Paris, 1904, стр. 260—269.

⁴ Каратаев, № 70

⁵ См. ниже, стр. 249—250.

совника с текстом рукописных Апостолов и Часовников предшествовавшего времени.

Книгопечатание на Руси возникло как результат возросших потребностей общественной жизни. И первые мероприятия по его устройству относятся еще к концу XV в. Значительным стимулом для введения книгопечатания была большая неисправность рукописных богослужебных книг.

Стремление к сохранности, неприкосновенности текста священного писания и вообще книг религиозных в Московской Руси общеизвестно. «Преписующим» под страхом проклятия запрещалось «приложить или отложить едино слово или тычку едину, или крючочки». ⁶ Но несмотря на все такие «прещения», а, может быть, именно в силу этих «прещений», так как они сковывали критическую мысль «преписующего» и всякую опisku его предшественника возводили в канон, число ошибок и разного рода извращений в рукописных книгах было неимоверно велико. В ряде случаев такие ошибки приводили к диаметрально противоположному смыслу, например: «предаяше им хранити уставы осужденныя от апостола», ⁷ или к полной бессмыслице: «Жена не владеет своим мужем (вместо «своим телом»), но муж». ⁸

Ошибки эти различного происхождения. «Овы убо от недоумения или презрения, или забвения древних приснопамятных переводников, овы же от премногия грубости и небрежения преписующих . . . ненаученых сущих и неискусных в разуме и хитрости грамматикистей», — говорил Максим Грек. ⁹ Были и сознательные, с определенной целью вносимые изменения существующего текста.

Об этом книжном «нестроении» хорошо знали на Руси. «А здешние книги все живые, а правила здешние кривила, а не правила; а до Максима есмь по тем книгам бога хулили, а не славили, ни молили», — говорил Вассиан Патрикеев. ¹⁰ Известно это было и иностранцам. Сигизмунд Герберштейн писал, что Максим Грек, найдя в русских книгах «много весьма тяжких заблуждений, объявил лично государю, что тот является совершенным схизматиком, так как не следует ни римскому, ни греческому закону». ¹¹

При том огромном значении, какое имела религия в жизни феодального общества, эти «нестроения» не могли не внушать тревоги его верхам. Для их исправления и был приглашен с Афона ученый Максим Грек.

В книгах, исправленных при участии Максима, наряду с устранением ошибок, делались и робкие попытки к устранению архаизмов, замене их

⁶ Из послесловия митрополита Киприяна к Служебнику, который он перевел и переписал «от грецких книг на русский язык рукою своею»: Ф. Буслаев. Историческая христоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, стлб. 137. См. также: И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. — Исследования по русскому языку, т. I. СПб., 1895, стр. 722, 729 и др.

⁷ Апостол первой половины XVI в.: ГПБ, F.1.62, зачало 37 (Деян. XVI, 4).

⁸ Апостол начала XVI в.: БАН, 17.13.9, зачало 136 (Коринф. VII, 4).

⁹ Инок Максима Грека словоответное о книжном исправлении: Платон. Краткая церковная российская история. М., 1805, т. II, Приложение, стр. 331, 303, см. также стр. 300, 319.

¹⁰ Прения Даниила митрополита Московского и всеа Руси со иноком Максимом Святогорцем: ЧОИДР, 1847, № 7, отд. II, стр. 10. Ср. в «Соборнике житий преподобных отец Симеона Столпника, Харитона Исповедника, Кириана Отшельника...» полистную запись митрополита Иоасафа, предшественника Макария на московской митрополии: «Писах же с разных списков, тщася обрести правы. И обретох в списках оных многа неисправлена» (Историческое описание Святотроицкия Сергиевы лавры. М., 1852, стр. 140).

¹¹ Сигизмунд Герберштейн. Записки о московских делах... Введение, перевод и примечания А. И. Малеева. СПб., 1908 стр. 65.

словами и выражениями, ближе стоящими к живой, разговорно-бытовой речи. Необходимо указать, что такого рода попытки предпринимались и ранее. Например в Чудовском Новом завете, приписываемом митрополиту Алексею.

Переписывание как способ производства книг отнюдь не гарантировало правильности раз исправленного текста при его дальнейшем размножении. Вопрос «О исправлении книжном» стоял и на Стоглавом соборе. Стоглав вплотную подошел к выводу о необходимости введения книгопечатания на Руси. Но слишком уж необычен был этот способ размножения «богдохновенных» книг, и нужного в этом отношении решения освященный собор не вынес. И даже слово «книгопечатание» на нем произнесено не было. Стоглав говорит о единственном способе устранения книжных неисправностей — «писати с добрых переводов».¹² Но что такое «добрые переводы», откуда их взять, об этом он умалчивает. Идея глубокого исправления «святых книг» по первоисточникам осталась чужда отцам собора, хотя им безусловно было известно такое обращение к греческим оригиналам Евфимия, патриарха тырновского, лет за 200 до того. Переводческая деятельность Максима Грека у всех была еще в памяти. А еще до того, в XIV в., весь текст Чудовского Нового завета был сверен с греческим и местами приближен к нему.¹³

Постановление Стоглавого собора о «добрых переводах» было перенесено в практику печатания первых книг. Анализ текста двух анонимных Евангелий — узко- и среднешрифтного,¹⁴ напечатанных ранее федоровского Апостола, заставляет считать, что тексты рукописных Евангелий, послуживших для них оригиналами, редактированию не подвергались. Есть значительные расхождения между этими Евангелиями как в отношении содержания, так и в отношении языка. Есть в них имеющие большое значение пропуски. Так, в среднешрифтном Евангелии от Марка, в зачале 7 (II, 5), читается фраза: «видев же веру их глагола расслабленному». Здесь пропущено имя бога — Иисус. Оно есть в узкошрифтном Евангелии. В зачале 49 от Иоанна (XIV, 28) в узкошрифтном стоит: «слышасте яко рек вам». Здесь пропущено «аз», которое есть в среднешрифтном. Оба эти пропуска — имени Христа и местоимения «аз» в его обращении к апостолам — грубо исказили евангельский текст, так как они непосредственно связаны с именем бога. Слова эти есть в греческом и латинском текстах, в старославянских и древнейших русских Евангелиях — Остромировом, Архангельском, ближайших по времени печатных Евангелиях Петра Мстиславца и Радишевского, в последующих изданиях Московского печатного двора и Синода. В среднешрифтном допущено и грубое извращение текста: «ни от похоти плотския, ни от крови мужьския, но от бога родишася» (от Иоанна, зачало 1, гл. I, 13) — «от крови мужьския» вместо «от

¹² Стоглав, изд. 2. Казань, 1887, гл. 27—28, стр. 60, 61.— Но есть авторы, например академик Е. Ф. Карский, утверждающие, что «открыть типографию в Москве решено было еще на соборе 1551 г.» [Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 313. То же: К. Заусцинский. Макарий митрополит всея России.— ЖМНП, т. 218, 1881; Рафаэль Барберини. Путешествие в Московно в 1565 году, стр. 17, прим. 13 (примечание переводчика В. Любич-Романовича)].

¹³ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVIII вв. СПб., 1903, стр. 29.

¹⁴ М. Н. Тихомиров. Начало московского книгопечатания.— Ученые записки МГУ, вып. 41, История. М., 1940, стр. 86, 87; Т. Н. Протасьева. Первые издания московской печати в собрании Государственного исторического музея в Москве. М., 1955, стр. 15.— Надо думать, что и широкошрифтное Евангелие было напечатано до выхода в свет Апостола. Оно повторяет слепо почти все ошибки среднешрифтного Евангелия, чего после выхода в свет Апостола и второго издания Часовника государственная типография допустить не могла.

похоти мужския», как читается это место в узкошрифтном Евангелии и во всех названных выше евангельских текстах.

Такое «нестроение» в основополагающей книге христианского вероучения не могло не обратить на себя внимания соответствующих властей. И задумав издание Апостола, решили в корне исправить текст его. Единного текста Апостола древняя Русь не знала. Автор специальной работы о древнерусском Апостоле профессор Г. Воскресенский считал, что все Апостолы XII—XV вв. «разделяются на четыре редакции».¹⁵

Сравнение текста многих рукописных Апостолов конца XV—первой половины XVI в. обнаруживает в них, кроме явных опусок, искажений текста, огромное количество разночтений. Встречаются места, прямо противоположные по своему содержанию; например, в одних Апостолах — «гоняи вас» (зачала 200; гал., I, 23), «изыдох в македонию» (зачала 248; фил., IV, 15), в других — «гоняи нас», «изыдох от македонии» и т. п. Нет единства и в двух наиболее авторитетных Апостолах того времени, к которым в поисках оригинала, надо думать, обратился редактор, готовя рукопись своего Апостола к печати: в Апостоле Геннадиевской Библии и толковом Апостоле в макарьевских «Минях Четяях» за июнь. Это подтверждает мнение Макария Булгакова, что при «сличении списков каждой книги прежде всего поражаетесь их разнообразием».¹⁶

Для сравнения были взяты тексты 42 рукописных Апостолов русской редакции. Из них датированных: 2 Апостола конца XV в. и 8 Апостолов XVI в.; недатированных: 5 Апостолов второй половины XV в., 3 Апостола конца XV—начала XVI в. и 24 Апостола XVI в., предшествующих федоровскому. Некоторые из них не имеют по несколько листов. А в 2 толковых Апостолах текст не весь: в одном (ГБЛ, Волок. 426) только послания к римлянам — галатам (зачала 79—115), в другом (ГБЛ, Волок. 427) — к ефесянам — евреям (зачала 116—325).

Сложен вопрос об источниках, которыми пользовался редактор первопечатного Апостола. Так как в Апостоле есть рамка, прототип которой находим в нюрнбергской Библии Пейпуса 1524 г. и в чешской Библии 1540 г., напечатанной там же, то надо думать, что одна из этих Библий была в его руках. Каких-либо данных о греческом и латинском текстах Апостола, к которым он, как видно из дальнейшего, обращался в своей работе, у нас нет. Для установления связи первопечатного Апостола с текстом латинским и греческим мы пользовались сводным латинским и греческим текстом у Д. Е. Нестле,¹⁷ а греческим, кроме того, у К. Тишендорфа¹⁸ и Е. Г. Ганселя.¹⁹

Отличия федоровского Апостола от рукописных Апостолов идут в различных направлениях. В ряде случаев редактор дополняет текст своего Апостола отдельными вставками, происхождение которых не всегда ясно. Исправляет многочисленные искажения в содержании текста рукописных Апостолов. Устраняет, переводя их на русский язык, иностранные, главным образом греческие, слова, обычные в рукописных Апостолах, и, наоборот, восстанавливает неудачно переведенные гречизмы, к его времени прочно вошедшие в обиход русского литературного языка. Часто сознательно модернизирует язык своего Апостола, заменяет слова и отдельные

¹⁵ Г. Воскресенский. Древнеславянский Апостол, послания св. апостола Павла..., вып. 1. Послание к римлянам. Сергиев Посад, 1892.

¹⁶ Макарий. История русской церкви, т. VIII, кн. III. СПб., 1877, стр. 76.

¹⁷ *Novum testamentum graece et latine ... novis curis elaboravit D. E. Nestle. Stuttgart, 1943.*

¹⁸ *Novum testamentum graece, ad antiquissimos testes denuo recensuit ... C. Tischendorf, ed. VIII, t II. Lipsiae, 1872.*

¹⁹ *Novum testamentum graece ... ed. Edw. H. Hansel, t. II. Oxonii, 1864.*

выражения, устаревшие к его времени или получившие новое значение, современными. И, наконец, — фактор большого культурного значения — и в графике, и в орфографии редактор совершенно последовательно и планомерно отбрасывает южнославянские правописные нормы, прочно утвердившиеся в русской письменности с XV в. и далеко еще не изжитые и в его время, и позже.

Остановимся только на некоторых из тех изменений, какие внес редактор в текст первопечатного Апостола.

Во всех 40 рукописных Апостолах в зачале 21 (Деян., IX, 5—6) на вопрос Савла «Кто еси господи!» читаем ответ, с незначительными различиями: «Аз есмь Иисус, его же ты гониши; но встани и вниди в град». Редактор в этот ответ Христа делает большую вставку, и у него данное место читается так: «Аз есмь Иисус, его же ты гониши. Жестоко ти есть противу рожну прати. Трепеща же и ужасаем глаголя: Господи, что ми хощещи творити. И господь рече к нему: Встани...». Фразы, выделенные разрядкой, есть в латинском, немецком и чешском текстах. У Нестле их нет ни в основном греческом тексте, ни в разночтениях, но Тишендорф и Генсель дают их в разночтениях. Это как будто говорит о том, что в греческом Апостоле они встречаются редко и редактор взял их из другого источника. Фраза «Господи, что ми хощещи творити» может быть понимаема различно. Если считать глагол «хощещи» полнозначным, то она означает: «Господи, что ты хочешь мне делать». Но в сочетании с инфинитивом форма настоящего времени его может выступать в значении связки, образуя сложное будущее время, тогда эта фраза означает: «Господи, что ты мне будешь делать». Однако такое понимание ее расходится с контекстом. Обратившись к иноязычным Апостолам, найдем в них: «Господи, что ты хочешь, чтобы я делал» и «Господи, что велишь мне делать». Такое же значение имеет эта фраза и в первопечатном Апостоле. Она является особым оборотом — дательный с инфинитивом. Все последующие издания Апостола воспроизводят эту вставку, а Московский печатный двор до Апостола 1671 г. включительно воспроизводит и федоровскую редакцию рассматриваемой фразы. Но ученая коллегия Острога заменяет в ней оборот дательный с инфинитивом оборотом винительный с инфинитивом. Эту же замену находим и в московской Библии 1663 г. Ее же делают и иоакимовские справщики в Апостоле 1679 г.,²⁰ откуда она переходит и в последующие. Замена эта принята и Синодом, хотя в других зачалах, например: 80 (Рим., I, 13), 286 (I, Тим., V, 14) и др., в его изданиях находим оборот дательный с инфинитивом.

В зачале 131 (I кор., IV, 16) в федоровском Апостоле стоит фраза: «Молю же вас подобни мне бывайте, яко же аз Христу». Выделенного разрядкой нет ни в одном из 41 рукописного Апостола. Нет и в немецкой Библии 1524 г., но есть в чешской и латинской, а Нестле и Тишендорф дают ее в греческих разночтениях. Оба эти дополнения находим во львовском Апостоле 1574 г.; они приняты ученой коллегией Острога, повторены в московской Библии, в московских и синодальных изданиях.²¹

В зачале 135 (I кор., VI, 16, 17) в первопечатном Апостоле находим: «прилепляяся сквернодеицы едино тело есть с блудодеицею ... прилепляяжеса господеви един дух есть со господем». Как и в предыдущем случае, мест, выделенных разрядкой, нет ни в одном из 41 взятого для

²⁰ К сравнению были привлечены все Апостолы, напечатанные в Москве начиная с 1597 и кончая 1688 г.

²¹ Церковнославянский текст в книге: Библия сиречь книга священнаго писания Ветхого и Нового завета... Тиснение второе. СПб., Синодальная типография, 1900.

сравнения Апостола. Нет их также и в греческом, латинском как в основном тексте, так и в разночтениях, но в чешской Библии 1540 г., как и в чешских Библиях 1527 и 1557 гг., имеем: «...gedno tělo bywa vsinen s nīj ...geden duch gest s nīm». Наличие «s nīj», «s nīm» только в чешской Библии, при этом в разных изданиях ее, указывает на нее как на источник редакторских дополнений,²² в которых местоимения заменены соответствующими существительными. Эти же дополнения находим и во всех названных выше последующих изданиях Апостола, но в синодальном издании на церковнославянском языке они взяты в скобки, в издании на русском языке приведены без скобок. Есть и другие дополнения такого же характера.

Источники приведенных четырех дополнений можно было установить, но в первопечатном Апостоле есть и такие дополнения, которых названные источники не знают. Так, в зачале 94 (рим., VII, 6) имеем такую фразу: «яко работати нам богови во обновлении духа», а в зачале 138 (I кор., VII, 34) — «не посягшия печется о господних, како угодити господевии». Мест, выделенных разрядкой, нет ни в одном из 41 рукописного Апостола; нет их и в названных источниках. Но оба эти дополнения не противоречат, так сказать, духу Апостола, уточняют его текст. Они воспроизводятся во всех последующих изданиях Апостола, хотя в церковнославянском тексте синодальной Библии слово «богу» взято в скобки.

Наряду с этими и другими подобного рода дополнениями в федоровском Апостоле есть много исправлений, вносящих коренные изменения в текст рукописных Апостолов. Приведем некоторые из них.

В зачале 80 (Рим., V, 10) в рукописных Апостолах стоит: «Пременихомся к богу смертию сына его... пременишеся спасемся». В греческом и латинском текстах — *katallagemen to theo u reconciliati sumus Deo*. *Katallasso* имеет два значения — «променять, примирять». В рукописных Апостолах вопреки контексту принято первое значение. Редактор изменил это место так: «Примирихомся к богу... примиришеся спасемся». Это изменение принято во всех последующих изданиях Апостола.

В зачале 306 (евр., II, 14) в тех же 40 рукописных Апостолах, с некоторыми отклонениями, есть фраза: «Да смертию разрушить дръжаву и муцаго смерти, сиречь дьявола». Только в одном толковом Апостоле 1515 г. (ГБЛ, Рогожск. 32) стоит: «разрушить имущаго державу смерти...». В данном случае речь идет не о разрушении только державы, а об уничтожении дьявола, имеющего державу смерти. Редактор сделал соответствующую перестановку, и в первопечатном Апостоле это место, как и в латинском, чешском и немецком, читается так: «Да смертию упраздит имущаго державу смерти...». Так эта фраза воспроизводится и в последующих, не раз уже названных изданиях.

Из тех изменений, которые устраняют возможность двойного понимания данного места, имеет большое значение исправление в зачале 209 (гал., IV, 6). В 40 рукописных Апостолах это место читается так: «Посла бог дух сына своего в сердца ваша»,²³ в 3 Апостолах — «в сердца наша». Предложение это безукоризненно с грамматической точки зрения. Но форма «дух» позволяет двойно толковать ее значение. Если это именительный падеж, то слово «дух» является приложением к подлежащему «бог», и получается, что «бог-дух» послал «сына своего». Но такое

²² Это подтверждает мнение профессора А. А. Сидорова, что для своей рамки апостола Луки Федоров воспользовался гравюрой Э. Шена в чешской Библии 1540 г. (А. А. Сидоров. Древнерусская книжная гравюра. Изд. АН СССР, М—Л., 1951, стр. 74)

²³ ГИМ, Епарх. 47. — В Апостоле конца XV в. слово «дух» пропущено.

понимание недопустимо с ортодоксальной точки зрения, так как «бог-дух» не имел сына. В нашем предложении «дух» является прямым дополнением, а так как прямое дополнение, обозначающее название лица мужского рода, в живой речи в XVI в. довольно часто принимало форму родительного падежа, то редактор и поставил его в этой форме. И все предложение имеет у него такой вид: «Посла бог духа сына своего в сердца ваша». Это изменение принято и во всех последующих изданиях апостольского текста, но в Библиях Острожской и Московской видим, как и в 3 рукописных Апостолах, «в сердца наша».

Пример того, как случайная ошибка-описка «преписующего» распространяется на последующие списки, находим в зачале 107 (рим., XI, 35), где во всех рассматриваемых рукописных Апостолах, кроме одного,²⁴ стоит: «Или кто прежде даст ему и не въздасться ему». Отрицание «не» в этой фразе противоречит контексту; его нет и в греческом, латинском, чешском и немецком Апостолах. Есть все основания считать, что вставка здесь отрицательной частицы «не» является результатом случайной описки переписчика. Но при общем не критическом отношении к своей работе всех «преписующих», которые «трепетали» в страхе, боясь изменить «тычку» или «крючкы» в переписываемом тексте, эта случайная описка одного «преписующего» вошла и в последующие списки Апостола. Есть она и в Геннадиевской Библии и в Апостолах, принадлежавших митрополитам Иоасафу и Филиппу; не исправил ее и такой образованный человек, как митрополит Макарий, в своих Минеях Четиях. Исправил ее Иван Федоров, выбросив отрицательную частицу «не». В таком виде воспроизводят этот стих и другие издания Апостола.

Довольно часто встречаются расхождения между первопечатным и рукописными Апостолами в употреблении местоимений «нам» — «вам», «наше» — «ваше». Так, в зачале 111 (рим., XIII, 11) в 40 рукописных Апостолах, в 1 Апостоле-апракосе этого стиха нет, — «Час уже вам от сна встати». Если мы обратимся к названным выше иноязычным Апостолам, то везде увидим «нам», хотя Нестле в разночтениях греческого текста дает также «вам». В первопечатном Апостоле имеем тоже «нам».

В рассмотренном уже зачале 257, к колоссянам, в главе III, стихе 4. в 40 рукописных Апостолах читается: «Егда Христос явится живот наш», и только в одном Апостоле (ГИМ, Увар. 1304) — «... живот ваш». Как и в предыдущем случае, в иноязычных Апостолах видим «ваш», хотя в основном греческом тексте Нестле дает «наш», а «ваш» — в разночтениях. В обоих приведенных случаях последующие издания Апостола воспроизводят первопечатный текст.

Уже этот далеко не полный перечень изменений в содержании Апостола, сделанных редактором, говорит о его большой критической работе над апостольским текстом при подготовке его к печати. А тот факт, что все его изменения, за единичными исключениями, приняты в последующих изданиях Апостола, дает нам все основания считать редактора первопечатного Апостола образованнейшим человеком русского средневековья. То, что оставили без изменения высшие иерархи, общепризнанные научные авторитеты того времени, то исправил он.

Кроме этих изменений, связанных непосредственно с содержанием, редактор многое изменил и в языке своего Апостола по сравнению с рукописными. Он модернизирует, демократизирует язык его, тем самым приближает печатную книгу к читателю, делает ее доступнее пониманию более широкого круга лиц. Однако эта модернизация коренным образом, в са-

²⁴ ГБЛ, Рогожск. 32.

понимание недопустимо с ортодоксальной точки зрения, так как «бог-дух» не имел сына. В нашем предложении «дух» является прямым дополнением, а так как прямое дополнение, обозначающее название лица мужского рода, в живой речи в XVI в. довольно часто принимало форму родительного падежа, то редактор и поставил его в этой форме. И все предложение имеет у него такой вид: «Посла бог духа сына своего в сердца ваша». Это изменение принято и во всех последующих изданиях апостольского текста, но в Библиях Острожской и Московской видим, как и в 3 рукописных Апостолах, «в сердца наша».

Пример того, как случайная ошибка-описка «преписующего» распространяется на последующие списки, находим в зачале 107 (рим., XI, 35), где во всех рассматриваемых рукописных Апостолах, кроме одного,²⁴ стоит: «Или кто прежде даст ему и не въздасться ему». Отрицание «не» в этой фразе противоречит контексту; его нет и в греческом, латинском, чешском и немецком Апостолах. Есть все основания считать, что вставка здесь отрицательной частицы «не» является результатом случайной описки переписчика. Но при общем некритическом отношении к своей работе всех «преписующих», которые «трепетали» в страхе, боясь изменить «тычку» или «крючкы» в переписываемом тексте, эта случайная описка одного «преписующего» вошла и в последующие списки Апостола. Есть она и в Геннадиевской Библии и в Апостолах, принадлежавших митрополитам Иоасафу и Филиппу; не исправил ее и такой образованный человек, как митрополит Макарий, в своих Минеях Четиях. Исправил ее Иван Федоров, выбросив отрицательную частицу «не». В таком виде воспроизводят этот стих и другие издания Апостола.

Довольно часто встречаются расхождения между первопечатным и рукописными Апостолами в употреблении местоимений «нам» — «вам», «наше» — «ваше». Так, в зачале 111 (рим., XIII, 11) в 40 рукописных Апостолах, в 1 Апостоле-апракосе этого стиха нет, — «Час уже вам от сна встати». Если мы обратимся к названным выше иноязычным Апостолам, то везде увидим «нам», хотя Нестле в разночтениях греческого текста дает также «вам». В первопечатном Апостоле имеем тоже «нам».

В рассмотренном уже зачале 257, к колоссянам, в главе III, стихе 4. в 40 рукописных Апостолах читается: «Егда Христос явится живот наш», и только в одном Апостоле (ГИМ, Увар. 1304) — «... живот ваш». Как и в предыдущем случае, в иноязычных Апостолах видим «ваш», хотя в основном греческом тексте Нестле дает «наш», а «ваш» — в разночтениях. В обоих приведенных случаях последующие издания Апостола воспроизводят первопечатный текст.

Уже этот далеко не полный перечень изменений в содержании Апостола, сделанных редактором, говорит о его большой критической работе над апостольским текстом при подготовке его к печати. А тот факт, что все его изменения, за единичными исключениями, приняты в последующих изданиях Апостола, дает нам все основания считать редактора первопечатного Апостола образованнейшим человеком русского средневековья. То, что оставили без изменения высшие иерархи, общепризнанные научные авторитеты того времени, то исправил он.

Кроме этих изменений, связанных непосредственно с содержанием, редактор многое изменил и в языке своего Апостола по сравнению с рукописными. Он модернизирует, демократизирует язык его, тем самым приближает печатную книгу к читателю, делает ее доступнее пониманию более широкого круга лиц. Однако эта модернизация коренным образом, в са-

²⁴ ГБЛ, Рогожск. 32.

мой основе своей резко отличается от современной ему и предшествовавшей модернизации на Украине и в Белоруссии, где речь шла о переводах на «простую мову», «на русский язык». Такого радикального задания наш редактор перед собой отнюдь не ставит. Но иностранные слова, неудачные кальки с греческого и отдельные старославянизмы, ставшие непонятными для не искушенных в тонкостях книжной речи, а также русские слова, утратившие старое и получившие новое значение, он заменяет русскими или старославянскими же словами, общепонятными, прочно вошедшими не только в книжный обиход, но и в разговорный язык образованных слоев современного ему общества. Часто такие замены делают текст не только более понятным, но и уточняют его. В ряде случаев он вводит в язык Апостола и новые грамматические формы, формы живого, разговорного языка, заменяя ими формы отживающие.

Но строгой последовательности в этом отношении у нашего редактора нет. Так, из иностранных слов он устранил в своем Апостоле лишь четыре.

В зачале 146 (I кор., X, 25) в 40 рукописных Апостолах есть, с некоторыми отклонениями, такое место: «Все, еже в макелии продаемое, ядите»; только в одном Апостоле (ГБЛ, Рогожск. 31 — 1515 г.) имеем вместо «в макелии» — «в разумьници». Редактор заменяет греческое слово «makellon» русским «торжище»: «все, еже на торжищи продаемое, ядите».

В зачале 200 (гал., I, 21) в тех же рукописных Апостолах есть фраза: «приидох в климаты», в том же Апостоле № 32 — «приидох в пределы». Как и в предыдущем случае, редактор заменяет греческое «klīma», «klīmatos» русским «страна»: «приидох в страны». Подобную же замену находим в зачале 192 (II кор., XI, 10). В обоих случаях последующие издания воспроизводят первопечатный текст.

Но есть и случаи обратного порядка. Вместо русских слов, которые мы находим в рукописных Апостолах, редактор дает в своем тексте слова греческие, к XVI в. прочно освоенные русским языком. Большинство этих слов относится к церковной лексике, например: ипостась, архиерей, апостол.

Так, в зачале 303 (евр., I, 3) в 39 рукописных Апостолах имеем: «Иже сии спасение славы (и славе) отча и образъ състава его»; в некоторых Апостолах слова «отча» нет. В толковом Апостоле ГБЛ, Рогожск. 32 — «образъ телествиа его» вместо «състава его», а в Апостоле ГИМ, Увар. 1304 вырван лист. Слово «състав» весьма многозначно. И. И. Срезневский дает для него 18 значений.²⁵ Хотя слово «състав» как перевод «ипостаси» находится еще в новгородской Минее 1097 г. (Срезневский, Материалы, т. III, 825—826), но эта многозначность не могла способствовать его сохранению в указанном значении. И редактор заменил его греческим словом «ипостась»: «Иже сии сияние славы отча и образ ипостаси его». В такой редакции это место переходит в последующие издания, но в синодальных выброшено слово «отча»: его нет и в иноземных текстах Апостола.

Из лексики общеупотребительной отметим слово «стихия». В первопечатном Апостоле в зачале 254 (кол., II, 8) есть «... по преданию человеческого, по стихиям сего мира», а в зачале 256 (кол., II, 20) — «умресте со Христом от стихии мира». В 40 рукописных Апостолах вместо «по стихиям», «от стихии» видим «по съставлением», «от съставления», «от

²⁵ Срезневский, Материалы, тт. I—III (далее ссылка на «Материалы» дается в тексте: Срезневский, римская цифра, обозначающая том, и арабская — столбец).

составлении», «от состав» и фонетический вариант первого слова — «поставлением», «от ставлении», а в Апостоле ГПБ, Q.I.954 — полная бессмыслица: «оставлении мира»; только в одном Апостоле (ГБЛ, Рогожск. 32) имеем «от стюхии», «по стюхиам». Следует указать, что в других случаях, например в зачалах 208 (гал., IV, 3), 210 (гал., IV, 9), в тех же рукописных Апостолах стоит слово «стихиа». Все последующие издания Апостола воспроизводят текст первопечатного.

Из других неудачных переводов с греческого можно указать слово «крадоводя». Его мы находим во всех 41 рукописном Апостоле в зачале 254 (кол., II, 8): «Братие, блюдется еда кто вы есть крадоводя хитростию». «Крадоводя» — это неудачная калька греческого «*sylogogon*», не удержавшаяся и в книжном языке. Вряд ли она была понятна современникам нашего редактора, и он заменил ее словом «прелщая», известным русской письменности с XI в. (Срезневский, Материалы, т. II, 1663). Возможно, что в данном случае ему помогло «*descriat*» из латинского текста или «*zklata*» из чешского. В первопечатном Апостоле это место читается так: «Братие, блюдется, да никто же вас будет прелщая хитростию».

К этой же категории относятся и те изменения, которые внес редактор в следующие пять зачал своего Апостола. Во всех 41 рукописном Апостоле читаем: в зачале 110 (рим., XII, 13) — «страннолюбие гоняще»; в зачале 115 (рим., XIV, 19) — «тем же убо мирнаа гоним», в зачале 154 (I кор., XIV, 1) — «всегда гоните любов», в зачале 273 (I сол., V, 15) — «благое гоните» и в зачале 332 (евр., XII, 14) — «мир гоните и святыню съ всеми». Во всех 5 случаях употребление глагола «гонити» никак не увязывается с теми объектами, на которые переходит действие. Обратившись к греческому, увидим во всех 4 случаях производные от глагола «*diokein*», но глагол этот наряду со значением «гнать» имеет и значение «быть приверженным». В латинском тексте — производные от глаголов «*sectari*», «*sequi*», которые означают не только «преследовать», «гнать», но и «ухаживать», «любить». «Материалы» Срезневского дают глагол «гонити» и со значением «следовать», «держаться» как эквивалент греческого «*diokein*»; примеры «Материалы» приводят только из книг религиозного содержания XII—XIII вв. Хроника Георгия Амартола, переведенная в Киеве в XI в., для греческого «*diokein*» дает «гнати», «гонити».²⁶ Трудно допустить, чтобы глагол «гонити» со значением «держаться», «любить» бытовал в живой речи XVI в.; и редактор во всех 5 случаях заменяет его глаголами, обозначающими не изгнание мира и любви, а принятие их: «страннолюбия держащяся» (зачало 110); «тем же убо мир возлюбим» (зачало 115); «держитесь любве» (зачало 154); «всегда добрая мыслите» (зачало 273) и «мир имейте и святыню» (зачало 332). Изменения в первых трех зачалах и в последнем приняты во всех последующих изданиях, а изменение в зачале 273 — всеми до Апостола 1679 г., когда было восстановлено «добрая гоните» рукописных Апостолов, сохраненное и в изданиях Синода. Надо сказать, что в данном случае, как и в некоторых других, наш редактор не проявил должной последовательности: в зачале 288 (I Тимофею, VI, 11) и в его Апостоле стоит: «гони же правду, благочестие, веру, любовь, терпение, кротость...».

Во всех 41 рукописном Апостоле в зачале 120 (рим., XVI, 1) есть, с некоторыми расхождениями в ней, фраза: «съставляю же вам фивию,

²⁶ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе, т. III. Греко-славянский и славянско-греческий словарь. Изд. АН СССР, Л., 1930, стр. 56, 226, 227.

сестру нашу». Это слишком близкий перевод греческого глагола «synistemi», который имеет также значение «рекомендовать». В данном случае, как и в некоторых других, редактор исправил это место в соответствии с латинским «commendo». И вся эта фраза в первопечатном Апостоле читается так: «Вручаю же вам фивию, сестру нашу».

Примером обращения автора к латинскому тексту может служить зачало 22 (Деян., IX, 21); в 39 рукописных Апостолах из 40 (в Апостоле БАН, 21.1.23 лист утерян и дописан позже) стоит с различными отклонениями: «Не сей ли есть раздрушивый в Иеросалиме нарицающая имя твое». В данном случае «разрушивый» является точным переводом греческого «porthesas», но редактор в соответствии с латинским «qui exurgnabat» вместо него взял «гонивый». И все это место в первопечатном Апостоле читается так: «Не сей ли есть гонивый во Иеросалиме нарицающая имя сие». «Гонивый» точнее говорит о том, как преследовал христиан, «гнал» их Савл-Павел до своего чудесного видения.

В зачале 124 (I кор., I, 10) во всех 41 рукописном Апостоле есть с некоторыми расхождениями такое место: «Да есте же съвршени в тои же мысли». Если мы обратимся к греческому и латинскому текстам, то увидим, что «съвршени» рукописных Апостолов — это буквальный перевод латинского «perfecti». Но из контекста видно, что в данном случае речь идет не столько о совершенстве в мыслях, сколько о том, чтобы адресаты послания прониклись одной и той же мыслью. Слово «совершенный», несмотря на свою большую многозначность в древнерусском языке, не имело значения, которое соответствовало бы этому содержанию. Латинскому «perfecti» в греческом тексте соответствует «katertismenoi» — вполне приготовленные. И редактор вместо «съвршени» дал «утвержени».

И в других случаях, не отступая от смысла, редактор довольно смело заменяет в своем тексте отдельные слова. Так, в зачале 248 (фил. IV, 10) в 39 рукописных Апостолах стоит: «Възрадовахъся о господи велми, яко убо иногда процветосте о мне мудрствовати», в Апостоле ГПБ, F.I.32 — «...въсприасте мудрствовати», а в ГБЛ, Рогожск. 32 — «...осыресте о мне мудрствовати». Обратившись к иноземным текстам, найдем в них «anethalete», «refloruistis», «zkwětli», «ergruenet seyt». Таким образом, рукописные Апостолы дословно воспроизводят этот текст. Но значение глагола «процвести», судя по «Материалам» Срезневского, и в древнерусском языке не выходило за пределы нашего. И приведенная фраза не могла не вызвать недоуменных вопросов. Чтобы устранить эти недоумения, редактор отбрасывает «процветосте» рукописных Апостолов, эквивалент Апостолов иноязычных, и совершенно другими словами передает содержание этой фразы. У него она читается так: «Возрадовах же ся о господе велми яко уже когда воспомянусте пещися о мне». В данном случае, как и в ряде других, он имел предшественника в лице переводчика или редактора Чудовского Нового завета.

Источник таких изменений как в данном, так и в других зачалах, неизвестен, но они делают их совершенно понятными. Считать, что источником был Чудовский Новый завет, у нас нет оснований, «так как он представляет келейное, любительское произведение, которое в церковном употреблении никогда не было и, таким образом, постоянно стояло в стороне от общего течения истории славянского перевода», — говорил И. Е. Евсеев.²⁷ Что изменения эти не нарушили основного значения, соответствовали духу Апостола, видно из того, что они были приняты ученой кол-

²⁷ И. Е. Евсеев. Отзыв о сочинении Г. А. Воскресенского «Древнеславянский Апостол...» СПб, 1914, стр. 274. — Оттиск из «Сборника отчетов о премиях и наградах» за 1910 г. СПб, 1914.

легней Острога, в которой было немало книжников, «наказанных в писаниях святых еллинских и словенских», а также Московским печатным двором, а позже Синодом.

Наряду с такими изменениями, которые в большей или меньшей мере касаются самого содержания Апостола, редактор вносит и стилистические изменения в его язык. В ряде случаев он устраняет явные архаизмы, заменяя их лексикой современной ему разговорно-бытовой речи.

В 41 рукописном Апостоле в начале 244 (фил., III, 2) стоит: «Блюдет е псы, блюдет е злыа делателя». К XVI в., судя по языку памятников того времени, глагол «блюсти» утрачивает одно из своих старых значений — «остерегаться», «беречься» (Срезневский, Материалы, т. I, 122) и употребляется в переходном значении «блюсти (кого, что от кого, чего)». С таким значением глагол этот более чем в 20 случаях находим в Стоглаве,²⁸ в Домострое,²⁹ посланиях Грозного³⁰ и др. И если задолго до начала русского книгопечатания «блюдет е псы, блюдет е злыа делателя» означало «берегитесь псов, берегитесь злых делателей», то в XVI в. эта фраза получила совершенно другое значение — «берегите псов, берегите злых делателей». Редактор восстанавливает прежний смысл этого места: отбрасывает «блюсти», как утратившее в данном случае свое старое значение, и заменяет его соответствующей формой от глагола «блюстися», т. е. «беречься», «остерегаться», глагола, хорошо известного в его время, как показывают те же памятники и др. И место это в первопечатном Апостоле читается так: «блюдет е ся от псов, блюдет е ся от злых делателей».

По-видимому, широкое употребление глагола «блудити» в языке XVI в. в значении «вести распутную жизнь» — случаи употребления этого глагола именно в таком значении дают те же Стоглав³¹ и Домострой³² — привело редактора к необходимости заменить его в начале 308 (евр., III, 10), где в тех же рукописных Апостолах, кроме ГИМ, Увар. 1304, который кончается зачалом 296, стоит: «присно блудять сердцем». Вместо этого в первопечатном Апостоле имеем: «присно прелщаются сердцем».

К этой же категории слов, которые, утратив свое старое значение, продолжают жить в языке, принадлежит и слово «пищаль». Его мы находим во всех рукописных Апостолах в начале 155 (I кор., XIV, 7): «обаче бездушнаа глас дающа аще ли пищаль, аще ли гусли». Здесь «пищаль» — свирель, но с XV в. это слово получает новое значение — название особого вида огнестрельного оружия. Поэтому ставить рядом «пищаль» и «гусли», хотя они и «бездушнаа глас дающа», значило совсем не учитывать того нового значения, какое получило слово «пищаль» в живом языке того времени как термин военной лексики. И редактор заменяет его словом «сопель», известным русской письменности с XI в., его знает и Стоглав (гл. 29). В первопечатном Апостоле место это читается так: «обаче бездушная глас дающа аще сопель, аще гусли».

²⁸ Стоглав, изд. 2. Казань, 1887, стр. 17, 35, 51, 107, 117 (дважды), 128 (трижды) и др.

²⁹ Домострой по списку Общества истории и древностей российских. М., 1882, стр. 43, 58, 60 и др.

³⁰ Послания Ивана Грозного. Под ред. чл.-корр. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), стр. 10, 13, 65, 112, 187, 199 и др.

³¹ Стоглав, изд. 2. Казань, 1887, стр. 186.

³² Домострой по списку Общества истории и древностей российских, стр. 22 (дважды), 73, 80 и др.

В зачале 236 (фил., I, 8) во всех рукописных Апостолах, с некоторыми различиями, стоит: «яко любя всех вас о утробе», а в зачале 258 (кол., III, 12) — «облецетеса ... в утробу щедрот». «Материалы» Срезневского для слова «утроба», кроме значений «внутренности», живот и др., дают еще «сердце (в переносном значении)», «ум», «мысли». Обратившись к греческому и латинскому текстам, найдем там «splanchnon» и «viscus», в чешском — «strěwa», в немецком — «hertzen». Греческое «splanchnon» имеет также и переносное значение — «сердце», «душа», «ум». Отбросив чересчур осязательное «утроба», редактор взял близкое к переносному значению слово «милость»: «люблю всех вас по милости» (зачало 236) и «облецетеса ... в милость щедрот» (зачало 258). Но редактор непоследователен в своей замене: в зачале 184 (II кор., VII, 15) и у него читаем: «и утроба его излиха в вас есть».

Изменения, внесенные редактором в последние 5 рассмотренных зачал, воспроизводятся во львовском Апостоле, Острожской Библии и изданиях Московского печатного двора, а также, кроме двух, и Синода. Но в зачале 258 в синодальных изданиях и печатных Апостолах с 1679 г. восстановлено «во утробы», а в 308 вместо «блудят сердцем» — «заблуждают сердцем» в синодальном; в Апостоле же 1679, 1684 и 1688 гг. восстановлено старое «блудят сердцем».

Есть в языке рукописных Апостолов архаизмы, о которых с большой долей вероятности можно сказать, что живой язык XVI в. не знал их. Так, в зачале 228 (Еф., V, 4) в 36 рукописных Апостолах стоит: «и сквернословие и буесловие и шегы и яже неподобная». В двух Апостолах: ГБЛ, ф. 256, № 9 1495 г. и ГИМ, Епарх. 47 — вместо «шегы» находим его архаичный синоним «скренъство», а в ГБЛ, Рогожск. 32 1515 г. — «искръньство», т. е. «чистосердечие», «прямодушие» — полная бессмыслица, в двух Апостолах: ГБЛ, ф. 178, № 3225 и ф. 209, № 36 — и «шеги», и «скренъства». Что слово «шега» было непонятно переписчикам, видно из того переосмысления его, какое находим в Апостоле первой половины XVI в. — ГПБ, F.I.62, где вместо «шегы» дано «шепты», т. е. «нашептывания»; а в Апостоле конца XVI в. — ГПБ, F.I.82 это слово вместо женского рода дано в среднем: «шего». Редактор заменил его словом «кошуны». Это изменение принято всеми последующими изданиями.

Аналогичный случай имеем с многочисленными отклонениями во всех рукописных Апостолах в зачале 141 (I кор., IX, 9): «не обрътиши вола в рѣхуща» — и в том же зачале и главе, в стихе 10: «верхьи на упование свое причащатися». «Верхьи» — это старая форма действительного причастия настоящего времени от глагола «врещи» — молотить. Примеры под этим словом «Материалы» дают только из книг религиозного содержания (Срезневский, Материалы, т. I, 322). Хотя это слово и является сельскохозяйственным термином, но его нет в «Материалах для терминологического словаря древней России», составленных Г. Я. Кочинным, а слово «молотить» в них приводится. О том, что «верхьи» было чуждо живому языку XVI в., свидетельствуют искажения его в наших рукописных Апостолах: верхай, верхуи, вергии, вергуща (последние две формы правильны, но от глагола «врещи» со значением «бросать»). И редактор заменил его соответствующей формой от хорошо известного глагола «молотить»: «да не заградиши уста вола молотяща» в 9-м стихе и «молотяи с надежею да своего упования причащатися» в 10-м. Последняя фраза почти во всех рукописных Апостолах сильно искажена. И в данном случае мы не видим у редактора последовательности. В зачале 286 (I Тим., V, 18) он оставил старое слово «верхый»: «вола верхуща не обротити».

Невольно напрашивается вопрос, чем же объясняется такая непоследовательность? Причина, возможно, кроется в том, что устранение из Апостола всех устаревших слов, замена их словами современного живого языка сильно снизили бы его стиль, приблизили его к стилю приказной избы, что было явно невозможно. Так, современник Ивана Федорова, Зиновий Отенский, считал совершенно недопустимым «книжные (речи) народными обеззещати».³³ Мы уже видели случаи, когда иоакимовские справщики восстановили «утробы» вместо «милости» (зачало 258) и «блудят сердцем» вместо «прелщаются сердцем» (зачало 308) первопечатного Апостола, когда Синод восстановил те же «утробы», а в зачале 273 — «добрая гонити» вместо «добрая мыслите». В данном же случае редакция 286-го зачала первопечатного Апостола воспроизведена во львовском Апостоле 1574 г. и Библиях Острожской и Московской, но в синодальных изданиях дано «вола молотяща». Что же касается Апостолов Московского печатного двора, то они, начиная с 1597 до 1671 г. включительно, сохраняют «верхый», «верхуша» рукописных Апостолов, хотя в изданиях 1653—1671 гг. при «в е р х ы й» в тексте — на полях в 10-м стихе 141-го зачала «молотяй», но в изданиях 1679—1688 гг. во всех трех зачалах имеем «молотяи», «молотяща».

До сего времени мы говорили только о таких изменениях, которые в содержании своем повторяются последующими изданиями. Но в первопечатном Апостоле есть и такие изменения, которые противоречат и контексту, и иноземным источникам; значит, редактор не мог их заимствовать оттуда. Если обратимся к зачалам 60 (I П. III, 13): «и кто озлобит аще благому подобныи будете» — и 141 (I кор., IX, 6): «не имамы власти еже делати» — и рассмотрим их в контексте, то нам станет ясно, что в первом пропущено «вас», а во втором «не» — «не делати». Слова эти есть и в иноязычных Апостолах, и во всех рукописных Апостолах, взятых для сравнения. Вообще же, как мы видели, все изменения, внесенные в текст первопечатного Апостола его редактором, воспроизводятся в последующих изданиях Московского печатного двора. Так и в данном случае — пропуск не видим в них до издания 1644 г. включительно, но «вас» восстановлено начиная с издания 1597 г., первого печатного Апостола после 1564 г. Пропуски эти повторены только во львовском Апостоле 1574 г., но в обеих Библиях и синодальных изданиях они восполнены.

Приведенный далеко не полный перечень тех изменений, которые были внесены в текст первопечатного Апостола, свидетельствует о создании новой редакции³⁴ этой важнейшей в церковном употреблении книги. Редакция эта, несомненно, получила одобрение соответствующих церковных властей и свыше ста лет перепечатывалась с очень незначительными изменениями Московским печатным двором. Не внесли в нее существенных изменений также ни справщики патриарха Иоакима, ни позже Синод.

Если же мы обратимся к рукописным Апостолам, переписанным после выхода в свет первопечатного, то увидим совершенно иную картину. Из 10 рукописных Апостолов последних десятилетий XVI—начала XVII в. —

³³ Ф. К а л у г и н, Зиновий, инок отенский, и его богословско-полемиические и церковно-учительные произведения. СПб., 1894, стр. 247—248, прим. 8.

³⁴ Но профессор Г. Воскресенский не видел различия между текстом Апостола в Геннадиевской Библии и текстом первопечатного Апостола и относил их к одной редакции (Г. В о с к р е с е н с к и й, Древнеславянский Апостол, послания св. апостола Павла..., вып. 1, стр. 41). Сергей Соловьев, говоря о первопечатном Апостоле, писал, что «при тогдашнем состоянии просвещения не было средств проверить славянского текста греческим и из славянских текстов выбрать лучший» (С. С о л о в ь е в, История России с древнейших времен, т. VII. М., 1857, стр. 243).

самый ранний из них 1567 г. — в 8 Апостолах случаи сходства с первопечатным Апостолом, когда текст его расходится с преобладающим большинством взятых для сравнения рукописных Апостолов, единичны. Случаи эти не всегда можно считать результатом влияния первопечатного Апостола: ведь есть же тождество особенностей его текста с текстом отдельных рассмотренных Апостолов. Возможно, что влияние текста первопечатного Апостола, но далеко не последовательно, сказалось на Апостоле конца XVI—начала XVII в. ГБЛ, ф. 304 (собрание Троице-Сергиевой лавры), № 8669. Влияние первопечатного Апостола довольно сильно сказалось и на книжных украшениях этой рукописи.

Только в двух случаях можно говорить о воспроизведении текста первопечатного Апостола в рукописных. Апостол 60—70-х годов XVI в. ГБЛ, ф. 173, № 797 на всем своем протяжении является точной копией первопечатного Апостола, но с устранением его опечаток. Второй Апостол конца XVI в. ГИМ, Синод, 725 (53), в котором первые 20 зачал утрачены, начиная с 21-го зачала до 146-го является точной копией первопечатного. Но начиная с этого зачала его текст ничем не отличается и от рукописных Апостолов, предшествовавших первопечатному. Надо заметить, что в первой половине этого Апостола его инициалы с большой точностью воспроизводят инициалы первопечатного.

*

Почти через полтора года после выхода в свет Апостола, 7 августа 1565 г., Иван Федоров вместе с Петром Мстиславцем приступили к печатанию Часовника. Закончили его 29 сентября.³⁵ Но еще до окончания первого Часовника, 2 сентября, начали печатать второй, а закончили его 29 октября. Различия между текстами этих изданий столь же разительны, как и между текстами первопечатного Апостола и рукописных Апостолов. Чем объяснить, что первое издание Часовника Федоров напечатал безо всяких исправлений? На этот вопрос, как и на вопрос, почему почти через месяц после начала печатания первого издания приступили ко второму, прямого ответа нет. Здесь возможны только домыслы.

Можно думать, что после тех глубоких изменений, какие были сделаны в тексте первопечатного Апостола, церковные власти не решились бы на печатание неисправленного Часовника. Тем более что через месяц после начала его печатания стали печатать Часовник с исправным текстом. А такое исправление требовало значительной затраты времени. И печатание Часовника с исправным текстом было задумано задолго до того. Остается допустить, что в правительственной типографии был выполнен частный заказ.³⁶ Такое допущение позволяет по меньшей мере объяснить причины неисправности текста в первом издании. Книги, как большая ценность, переходили в роду из поколения в поколение. Такие книги пользовались особым почетом. Ведь, обвиняя Максима Грека, говорили: «Велию, о че-

³⁵ Единственный известный в библиографии экземпляр первого издания Часовника хранится в Королевской библиотеке в Брюсселе: *Revue des bibliothèques et archives de Belgique*. Bruxelles, 1903, t. I, livr. 3, стр. 143—150. Оно стало доступным для исследования в СССР только с марта 1957 г., когда Государственная библиотека им. В. И. Ленина получила микрофильм его. Есть микрофильм и в Государственной публичной библиотеке в Ленинграде.

³⁶ Государственные предприятия выполняли и заказы на сторону, например мастерская колокольного дела (С. В. Бахрушин. Очерки по истории ремесла, торговли и городов русского централизованного государства XVI—начала XVII в. — В кн.: С. В. Бахрушин, Научные труды, т. I, Изд. АН СССР, М., 1952, стр. 75, 168). Подобные же заказы выполняли и царские иконописцы (там же, стр. 106).

ловече, досаду тем делом прилагаеш возсиявшим в нашей земли преподобнейшим чудотворцом; они бо сицевыми священными книгами благоугодиша богови». ³⁷ И заказчик просил напечатать текст своей «сцевой священной книги», не меняя в нем ни «тычки», ни «крючков». Такими заказчиками могли быть Строгановы, пользовавшиеся большими привилегиями у Грозного. Они остро нуждались в богослужебных книгах для церквей, которые строили в осваиваемом ими Приуралье.

Сравнение текста рукописных Часовников с первым изданием федоровского Часовника при отсутствии тождества между ними, как и между самими рукописными Часовниками, обнаруживает тем не менее значительную общность, что будет видно дальше, там где речь идет о молитвах за царя. И для того чтобы показать, в чем именно заключалась работа редактора, какие изменения внес он в текст второго издания, текст его сравнивается только с первым.

Из большого числа различий между ними приведем только некоторые из тех, которые коренным образом изменяют все содержание данного места, придавая ему противоположный смысл.

На стр. 177 во втором издании стоит: «возвещати заутра милость твою и истину твою на всяку ночь», а в первом — «на всяк день». На стр. 321 во втором издании: «аггелом начальницы и наставницы бесплотным», а в первом на стр. 319: «...и наставницы человеком». Текст второго издания повторен в заблудовской Псалтыри с Часословом 1570 г. и ближайших по времени московских Часовниках 1598 и 1601 гг. (другие издания к сравнению привлечены не были). В обоих приведенных случаях перед нами антонимы, слова с прямо противоположным значением.

В первом издании на стр. 247: «но призри ныне, яко милосерд», а во втором на стр. 249: «но призри на ны, яко милоседр» (так!). В первом издании перед нами случай, аналогичный рассмотренному выше с частицей «не» в 107-м зачале рукописных Апостолов. Ошибка одного писца «ныне» вместо «на ны» была размножена последующими. Того же порядка различие между фразами «и стояше Мария на гробе» первого издания (стр. 308) и «стояще Мария у гроба» второго издания (стр. 310). Названные выше последующие издания в обоих случаях воспроизводят текст второго Часовника.

Большое значение в смысле приближения текста к пониманию имеет исправление редактора на стр. 301 во втором издании: «разбойниче оправдание рай отверзе». В первом издании этому месту соответствует: «разбойниче покаяние рай окраде». Глагол «окрасти» и производные от того же корня, по «Материалам» Срезневского, в древнерусском языке, кроме тех же значений, что и в современном, имел еще значение «выпытать», «обмануть». Все эти значения (если считать, что Срезневским учтены все значения этого глагола в древнерусском языке) не раскрывают содержания данного места: как разбойниче покаяние могло обокрасть, выпытать или обмануть рай? И редактор, хотя «окраде» и является точным переводом греческого глагола «*sytao*», заменил его, исходя из контекста, глаголом «отверзе». «Отверзе» читаем в этой фразе и в Часослове Библиотеки АН УССР. ³⁸ В данном случае ему могло помочь и одно церковное песнопение, в котором есть такое место: «разбойник едем убо

³⁷ Сочинения преподобного Максима Грека, ч. III. Казань, 1862, стр. 88.

³⁸ Шифр его по книге А. Лебедева. Рукописи Церковно-археологического музея КДА, т. I. Саратов, 1916, № 74 (муз. 668).

врата отверзает». ³⁹ Последующие издания приняли это исправление, но Синод восстановил старое «окраде».

Иногда трудно понимаемой делает фразу неоправданная перестановка слов. Например, в первом издании есть такое место: «благовествоваху Христе, яко воскресе» (стр. 306). Редактор заменил форму звательного падежа «Христе», которая в функции подлежащего употребляется изредка еще и в летописях XVI в., на форму именительного и перенес ее в придаточное предложение, где «Христос» является подлежащим к сказуемому «воскресе». И место это во втором издании читается так. «благовествоваху, яко воскресе Христос» (стр. 308). Редакция второго издания принята в московских Часовниках 1598 и 1601 гг., а в Заблудовской Псалтыри место это имеет такой вид: «проповедаху Христа, яко воскресе господь».

В Часовниках наряду с богослужебным текстом значительное место отводится различным указаниям для клира. В первом издании в таких указаниях довольно часты отступления от нормы. Например, на стр. 73: «поем сии тропарь г л а с 8», а во втором издании: «... г л а с 2» (стр. 73). В первом издании на стр. 318: «пети ты по достоянию недоумеюще, богородице ... кондак г л а с 4», а во втором: «пети ты, дево, достойно недоумеюще ... кондак г л а с 2» (стр. 320). Во втором примере, кроме разницы в гласах, большая разница и в словесном выражении одной и той же молитвы. Последующие издания воспроизводят текст второго Часовника.

Подобного рода различия, касающиеся самого содержания как в богослужебном тексте, так и в указаниях для клира, насчитываются десятками. Одно из таких различий требует к себе особого внимания: в четырех молитвах в первом издании говорится о царях вообще, о многих царях; во втором издании в тех же молитвах — об одном царе (см. сравнительную таблицу).

Первое издание Часовника		Второе издание Часовника	
стр.	текст	стр.	текст
32	<i>Лист утрачен, на его месте рукописный: небесный царю, верный царя наша укрепи</i>	32	небесный царю, благоверного царя нашего укрепи
135	спаси, господи, люди своя . . . победы царем нашим на сопротивный даруи	136	спаси, господи, люди своя . . . победы благоверному царю нашему на сопротивный даруи
136	. . . возвесели силою своею верный царя наша, победы дай им на сопостаты	136	. . . возвесели силою своею благоверного царя нашего, победы дай ему на супостаты
136	предстательнице страшна и непостыдна . . . утверди православных житие и	136	предстательнице страшная и непостыдная . . . утверди православных житие и спаси благоверного царя нашего ему же повеле царствовать, подаи же ему небесную победу.
137	спаси и м же повеле державствовать, подаждь и м небесную победу		

³⁹ Сборник (Миней месячная) повелением Божидара Вуковича. Венеция, 1538, под 14 сентября (Каратаев, № 31); Миней месячная, за сентябрь. М., 1619, под 14 сентября, л. 207 (Каратаев, № 251) и др.

Как видим, различия в обоих изданиях проведены совершенно последовательно, но в первом издании в последней молитве «цари» пропущены, осталось только «им».

Если мы обратимся к тексту этих молитв в рукописных, а также в печатных Часовниках и Минеях месячных, предшествующих нашим Часовникам, то увидим, что в преобладающем большинстве случаев в них говорится о многих князьях, реже царях. Но иногда в одной и той же книге, на одном и том же листе говорится и о князьях во множественном числе, и об одном князе. К сожалению, не все четыре молитвы находятся в каждом из Часовников и Миней, часто приводятся только начальные слова их.

Для рассмотрения были взяты десятки рукописных Часословов и Миней за сентябрь второй половины XV и первой половины XVI в. Но нужные нам молитвы оказались приведенными полностью только в 9 Часословах и 2 Минеях. Из 9 Часословов 8 русской редакции: 1 — XIV в., 4 — второй половины XV и 3 — XVI в. до 1565 г., 1 Часослов сербской редакции XV в. Обе Минеи за сентябрь середины XVI в. Кроме того, был взят Часослов Швайпольта Феоля. Молитвы, в которых упоминается царь, приведены полностью в 35 случаях, из них во множественном числе в 29 случаях и в единственном в 6 случаях, что составляет 17% ко всему числу молитв.

Таким образом, и в молитвах, имеющих важное значение с точки зрения утверждения единодержавия в создаваемом централизованном государстве, единства не было. Это различие не только противоречило введению единообразия в различных областях общественной жизни, чего так добивался Грозный, оно как бы оправдывало в богослужебной книге, значит в церковных службах, былую разобщенность Руси, с остатками которой он так боролся. И в безвыходной Триоди постной, напечатанной во второй половине 50-х годов, мы находим уже молитву за единого царя: «победы царю нашему на супостаты даруя».

Особое значение среди наиболее популярных книг русского средневековья имел Часовник. Часовник — книга не только богослужебная, это книга учебная, по которой учились читать не только во времена Грозного, по ней учились грамоте и мелкопоместное дворянство еще в начале прошлого века.

И с точки зрения политики Грозного было в высшей степени целесообразно, чтобы идея единодержавия внедрялась в сознание подданных с семилетнего возраста, когда они приступают к учению, и далее поддерживалась в течение всей жизни церковным богослужением. «Грозный знал цену слову и широко пользовался пропагандой в своей политической деятельности», — говорит Д. С. Лихачев.⁴⁰ И редактору предложено было ввести в текст подготавливаемого к печати Часовника молитвы за единого царя.

По сравнению с текстом молитвы в безвыходной Триоди Иван Федоров внес в нее два существенных изменения. К титулу «царь» он прибавил общепринятый эпитет «благоверный». Более существенным по своей политической направленности было другое изменение. Слово «супостаты» безвыходной Триоди Федоров заменил словом «сопротивныя». Отсутствие у нас словаря языка XVI в. не позволяет с полной уверенностью говорить о различии в содержании этих двух слов. «Материалы» И. И. Срезневского для слова «супостат» дают значения «неприятель», «враг»,

⁴⁰ Д. С. Лихачев. Иван Грозный-писатель — В кн.: Послания Ивана Грозного. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, стр. 456.

«дьявол» и в переносном значении «противник», «противоборец».⁴¹ Более широким по своему значению является слово «супротивный».

В «Степенной книге», «Дополнениях к Никоновской летописи» и в «Царственной книге» мы находим оба названных слова. При этом слово «супостат» встретилось только три раза в языке трех высокопоставленных иерархов: в речи митрополита Макария к Грозному — победителю Казани,⁴² в посланиях архиепископа новгородского Пимена⁴³ и патриарха александрийского Иоакима.⁴⁴ Значение его во всех трех случаях — внешний враг. Наличие слова «супостат» только в языке церковников и отсутствие его в других местах названных книг говорят о том, что оно не было словом обычного литературного языка, хотя и бытовало в языке церковников.

Что же касается слова «супротивный», то оно встречается с тем же значением «враг внешний» гораздо чаще, например в названном послании Пимена дважды. Употребляется и наречие той же основы — «супротивно»: «не перестающе супротивно брань творяху»,⁴⁵ и предлог «супротив». С таким же значением много раз встречается это слово и в современной «Повести некоего боголюбива мужа». Но, кроме «внешний враг», слово «супротивный» имело и другое более широкое значение — «противящийся», вообще «противник». Для нас особый интерес представляет тот факт, что именно с таким значением данное слово употреблено в «Царственной книге» в большой приписке, автором которой считают Грозного: «будут княгине Офросинье и князю Володимеру на государство им не сопротивны, а служити им готовы».⁴⁷ К началу 60-х годов у Грозного, как известно, было много «супротивных». Именно потому и взял это слово Федоров для молитвы за царя в своем Часовнике.

Со своим заданием редактор справился блестяще. Его текст молитвы безо всяких изменений перепечатывает Московский печатный двор. Не внес в нее никаких изменений и Синод. Так московское книгопечатание в первые же годы своего существования непосредственно включилось в политические планы Грозного и в этом конкретном случае.

Как же принята была новая редакция молитв за царя в последующих рукописных и печатных изданиях Часовников, Миней и Анфологионов? Рассмотрим эти рукописные книги второй половины XVI в., возможно начала XVII в., переписанные после 1565 г.

Из большого числа их полный текст молитв удалось найти только в 11. Интересующие нас молитвы встретились 17 раз, из них в единственном числе 5 раз, что составляет 29% ко всему числу случаев. Последовательное употребление слова «царь» в единственном числе имеем только в Часослове ГБЛ, № 129 Шибанова. В двух других Часословах — ГБЛ, № 361 (Троице-Сергиевой лавры) и Львовского художественного музея № 197 такой последовательности нет. В Часослове ГБЛ: «победы князем на-

⁴¹ И. И. Срезневский, Материалы, т. III, столб. 620—621, 623—624.

⁴² Никоновская летопись: ПСРЛ, т. XIII, 1-я половина. СПб., 1904, стр. 226.

⁴³ Дополнения к Никоновской летописи: ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина. СПб., 1904, стр. 352.

⁴⁴ Книга степенная царского родословия: ПСРЛ, т. XXI, ч. II. СПб., 1913, стр. 666.

⁴⁵ Там же, стр. 657.

⁴⁶ Д. Н. Альшин, Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени. — ИЗ, 1947, т. 23 — С. В. Бахрушин считал, что «они сделаны по распоряжению самого царя» (С. В. Бахрушин, Избранная рада Ивана Грозного. — ИЗ, 1945, т. 15, стр. 33), а С. В. Веселовский — «при непосредственном, близком участии самого царя» (С. В. Веселовский, Последние уделы в Северо-Восточной Руси. — ИЗ, 1947, т. 22, стр. 106).

⁴⁷ Царственная книга: ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 523.

шим на сопротивных даруй» (л. 47), и на обороте того же листа: «возвели силою своею благовернаго царя великаго князя Ивана...». Такую же картину, но без упоминания собственного имени и в другой редакции видим и во втором Часослове. Большое значение имеет для нас Часослов ГБЛ. Он показывает, что в церковном богослужении молитвы «возносились» не просто за единого царя, а за ныне царствующего Ивана. Ни в одном из других Часословов, а также Миней и Анфологионов имя царя не встретилось.

Таким образом, приходится констатировать, что влияние второго издания Часовника на последующие рукописные книги второй половины XVI в. ничтожно мало. Конечно, в данном случае значительную роль играет и консерватизм «преписующих». Но относить неприятие новой редакции молитв за царя только за счет их консерватизма было бы неправильно. Здесь, несомненно, большую роль сыграло и сопротивление значительной части населения Московской Руси новой редакции молитв, продиктованной сверху.

Однако в XVII в. это влияние в тех же рукописных книгах сказалось в значительно большей мере. Из 15 книг, в том числе 12 Часословов, молитвы за царя приведены полностью в 42 случаях. Из них царь в единственном числе — в 19 случаях, что составляет 45%, в 7 книгах. Но, как и в Часословах XVI в., последовательности в них нет: в одной и той же книге царь упоминается то в единственном, то во множественном числе в одной и той же молитве. В 5 случаях есть специальное указание на необходимость называть имя царя — «имя рек».

Что же касается московских печатных изданий Часословов, Миней месячных и Анфологионов, вышедших в XVI и первой половине XVII в., то в них во всех интересующих нас молитвах воспроизводится редакция второго издания Часовника. Это является подтверждением того, что редакция второго издания Часовника, как и редакция Апостола, выполнена по указанию высших властей и была ими одобрена.

Из сравнения первопечатного Апостола и второго издания Часовника с рукописными Апостолами и Часовниками, им предшествовавшими, мы выяснили, что редактор внес в эти книги коренные изменения, создал новые редакции их. Изменения эти одобрены русской церковью и перепечатываются в течение столетия с очень незначительными изменениями, не затрагивающими самого существенного в его исправлениях. Это заставляет признать, что редактирование было поручено лицу, выплывшему эту работу, высшими церковными властями, а может быть и Грозным, который с большим вниманием относился к различным сторонам церковной жизни, а с начала 60-х годов сам редактирует Лицевой свод.⁴⁸

Кто же был редактор? По этому вопросу нет никаких данных ни в современных, ни в последующих документах, нет никаких намеков. Здесь возможны только более или менее обоснованные предположения. Можно думать, что ведущая роль в этой большой работе принадлежала нашему первопечатнику Ивану Федорову.

О деятельности Федорова существует два резко расходящихся взгляда. Одни авторы подходят к рассмотрению ее с меркой нашего времени, модернизируют ее: печатник, — значит, его дело содержать в технической исправности типографию, набрать данный ему текст и оттиснуть набор на станке. А выбор текста, подготовка его к печати, книжные украшения, художественное оформление страницы и книги в целом — это дело других

⁴⁸ Д. Н. Альшиц. 1) Иван Грозный и прилиски к лицевым сводам его времени, стр. 288 и др.; 2) Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования. — Труды ГИИ, Л., 1957, т. I (IV), стр. 119—147.

специалистов. В сложном процессе изготовления книги они отводят Ивану Федорову роль чисто техническую — он только руководитель типографских производственных процессов. Другие видят в его лице одного из наиболее выдающихся деятелей культуры нашего средневековья. Так, Р. Ю. Виппер называет Федорова «гуманистически просвещенным ученым... Московский печатник выступает перед нами, — пишет он, — в качестве единомышленника и ровни венецианских Альдо Мануччи и парижских Етьенов».⁴⁹

Первую точку зрения с большой последовательностью отстаивал А. С. Орлов. Он даже не допускал мысли, что послесловие к московскому Апостолу мог составить Федоров. «Мы решаемся, — писал он, — приписать заготовку Послесловия ... или митрополиту Макарию, или попу Сильвестру».⁵⁰ Это утверждение не учитывает того, что Сильвестр с 1560 г. был в опале и находился в Кирилло-Белозерском монастыре, а митрополит Макарий умер 31 декабря 1563 г. До этого же времени он был настолько слаб, что в июне не мог принять прибывшего с королевским посольством Войтеха Сновитцкого, посланца к нему от «князя Валериана, бискупа виленского», а в ноябре уже «был ... на конечном издыхании», как сообщает Никоновская летопись.⁵¹ В доказательство своего мнения А. С. Орлов приводит фразу, переданную в послесловии далеко не дословно, ответ Макария Грозному: «Яко от бога извещение приемшу и свыше дар сходящ». Но это — фраза, взятая из Апостола. Можно ли думать, что Федоров, печатая Апостол, не знал этой фразы! Вообще надо сказать, что Апостол был не только богослужебной и учебной книгой, но и своеобразной книгой афористической мудрости. Его часто цитировали: например, у Грозного в первом послании Курбскому встречается 14 цитат из Апостола.⁵² Приведенную выше цитату А. С. Орлов указывает у Максима Грека в его послании к отцу Грозного и в «Предисловии» к деяниям Стоглавого собора. Но ее можно найти, например, и у писателя Х в. Иоанна, экзарха болгарского, в его предисловии к богословию Иоанна Дамаскина, бытовавшем на Руси XVI в. и в виде отдельной статьи.⁵³

Говоря о федоровском Апостоле и втором издании Часовника, Макарий Булгаков писал: «Ниоткуда не видно, чтобы книги эти были исправлены по каким-либо спискам греческим или славянским».⁵⁴ Но его современник В. Е. Румянцев считал, что в первопечатном Апостоле «сделаны также против списков во многих местах значительные исправления, близкие к нынешнему тексту или совершенно с ним согласные». Он же считал, что Федоров «владел не только печатным искусством, но несколько и пером».⁵⁵ В том же духе о литературной деятельности Ивана Федорова говорил в конце прошлого века И. И. Малышевский.⁵⁶

⁴⁹ Р. Ю. Виппер. Иван Грозный. Изд. АН СССР. М., 1944, стр. 75

⁵⁰ А. С. Орлов. К вопросу о начале печатания в Москве Иван Федоров-первопечатник. Изд. АН СССР, М., 1935, стр. 18. — А в своей «Древнерусской литературе» (Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 281) авторство послесловия он приписывает только Макарию.

⁵¹ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 367, 372.

⁵² Послания Ивана Грозного, стр. 12, 19, 20, 21, 22, 28, 43, 45, 47, 52, 59, 69.

⁵³ И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке, стр. 322.

⁵⁴ Макарий. История русского раскола, известного под именем старообрядчества. СПб., 1855, стр. 109—110. См. также в его «Истории русской церкви» (т. VIII, кн. III, стр. 85—86).

⁵⁵ В. Е. Румянцев. Сборник памятников, относящихся до книгопечатания в России, вып. I. М., 1872, стр. 30, 10.

⁵⁶ И. Малышевский. Новые данные для биографии Ивана Федорова, русского первопечатника. — Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца, кн. 7 Киев, 1893, стр. 109.

С полной определенностью, безо всяких «несколько», высказался по этому вопросу М. С. Грушевский. Он считал, что Федоров наряду с руководством техническими процессами в типографии занимался «в значній мірі» и литературно-научной деятельностью.⁵⁷

Первым, кто считал Ивана Федорова редактором первопечатного Апостола, а «может быть, еще и других книг», был И. Е. Евсеев. «Федоров, — писал он, — выбирает и правит текст рукописного служебного Апостола».⁵⁸ В наше время М. Н. Тихомиров считает, что «такая работа (над очищением текста церковных книг от ошибок) могла быть поручена только представителю духовенства, каким и был Федоров».⁵⁹

Таким образом, среди русских и украинских ученых были лица, для которых Иван Федоров был не только исполнителем и руководителем чисто технических производственных процессов в типографии, но и культурным деятелем. Орудием его деятельности был не только печатный станок, но и перо. О том, что Федоров был редактором, свидетельствует тот факт, что свою работу над текстом Апостола он продолжает и во Львове. А о редактировании Острожского Нового завета сам говорит в своем предисловии к нему. Он не только напечатал его: «Да восприимеши сие рукоделье наше от нас боголюбезне, яко пръввыи оwoць от дому печатного своего острожского», — обращается он к князю, но по его принуждению («понуди»), несмотря на свое «тесное разума и недоуменное языка ... совокупих в едину сию вещь» Псалтырь и все книги, в состав Нового завета входящие. «Совокупих», т. е. объединил, все названные книги в одну «вещь». Что это объединение не было механическим воспроизведением в печати неотредактированных рукописей, свидетельствует ссылка Федорова на свой «разум» и «язык» (хотя в соответствии с обычаем времени он характеризует их униженными эпитетами). Для печатания эти свойства не нужны, но для выбора из массы рукописей оригинала для печатания и его исправления они обязательны.

В Москве из-под станка Федорова вышли совершенно новые редакции двух важнейших богослужебных и в то же время учебных книг (последнее относится особенно к Часовнику). Текст изданий столь отличен от предшествующих и современных им рукописных, что это различие не могло остаться незамеченным для читающего или слушающего чтение этих книг во время богослужения. Особенно резкое различие было в Часовнике: вместо молитвы за царей или князей вообще в церковных службах «возносили» молитвы за царя единого, за Иоанна, столь ненавистного остаткам княжья и вообще феодальной знати, за царя, который за несколько месяцев до выхода в свет Часовника учредил опричнину. Все острие ее было направлено именно против этой знати. И уже первые дни опричнины были отмечены казнями нескольких виднейших представителей ее.

Отпечатанные в государственной типографии и принятые церковью, как показывают тексты их последующих изданий, они вводили единообразие в церковную жизнь, в отправление церковных служб, чего так старательно добивался Стоглавый собор.⁶⁰ Они были одним из звеньев в длинной цепи мероприятий в политике Грозного, мероприятий, направленных на полное уничтожение остатков былой феодальной разобщенности Московской Руси. Наряду с такими мероприятиями, как канониза-

⁵⁷ М. Грушевський. Історія України-Русі, т. VI. Київ—Львів, 1907, стр. 490.

⁵⁸ И. Е. Евсеев. Очерки по истории славянского перевода Библии. Пгр., 1916, стр. 146.

⁵⁹ М. Н. Тихомиров. Начало московского книгопечатания, стр. 91.

⁶⁰ А. Дмитриевский. Богослужение в русской церкви в XVI в., ч. I. Казань, 1884, стр. III.

ция святых, установившая единый реестр их на всей территории Московского государства, упомянутый Стоглав, Судебник, испомещение дворян для несения военной службы и, наконец, опричина, книгопечатание способствовало укреплению централизованной государственной власти.

Это значение книгопечатания, несомненно, понимали феодальные верхи, настроенные остро враждебно к политике Грозного. Наибольшее озлобление у них вызвала, конечно, опричина. Сказавшись больным, 16 мая 1566 г. оставил митрополичий престол и ушел в монастырь Афанасий, еще до опричины, в 1564 г., вместе с приверженцами старины заявивший Грозному о необходимости «образумиться».⁶¹ Вызванный на его место игумен Соловецкого монастыря Филипп Колычев прямо поставил условием своего согласия отмену опричины. Вопрос был улажен компромиссным решением, и 25 июня Филипп стал московским митрополитом. В это же время происходил Земский собор. Часть участников его уже после собора обратилась к Грозному с просьбой прекратить насилия опричников. На эту просьбу Грозный ответил тяжелыми репрессиями. Это выступление было последним открытым протестом. «Наступила пора тайного заговора», — говорит исследователь.⁶²

Из поля зрения противников Грозного не выпало и книгопечатание, об устройстве которого он так старался. Оно, как и ряд других его мероприятий, направленных на установление единообразия в различных областях общественной жизни, уже за короткий сравнительно срок своего существования дало положительные результаты. Своего восхищения перед ними не мог скрыть и немец-опричник Генрих Штаден. «По всей Русской земле, по всей его державе — одна вера, один вес, одна мера!», — писал он.⁶³ Не знать этого не могли, конечно, и противники Грозного.

Новые тексты федоровских книг столь далеки от привычных, что многие приверженцы старины и независимо от своего отношения к политике Грозного не принимали их. Это видно из того, как медленно прокладывают они себе путь в рукописную книгу, которая изготовлялась либо на заказ, либо гораздо чаще на рынок,⁶⁴ а значит при изготовлении ее прежде всего учитывались требования спроса. Хотя значение книгопечатания для феодальной оппозиции, его удельный вес, неизмеримо меньше, чем значение опричины и ряда других мероприятий Грозного, оно служило интересам его политики, вытесняя из церковного обихода прочно утвердившиеся местные особенности, переходящие из поколения в поколение, нивелировало их. И феодалы, чтобы уничтожить книгопечатание, «божие дело, — говорит Федоров, — вконец погубить», объявили его исправления ересью. Несомненно, в планы их входило и уничтожение типографии; именно так надо понимать слова Федорова «божие дело вконец погубить».

Об этом рассказывает сам Иван Федоров в «Повести» — послесловии своего львовского Апостола. Он говорит о «презельном озлоблении» против него и Петра Мстиславца «от многих начальник и священноначальник и учитель, которые на нас зависти ради многия ереси умышляли, хотячи

⁶¹ Новое известие о России времен Ивана Грозного. Сказание Альбрехта Шлихтинга. Под ред. А. И. Малеева. Л., 1934, стр. 17—18 (привожу по книге: П. А. Садиков. Очерки по истории опричины. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 16).

⁶² П. А. Садиков. Очерки по истории опричины, стр. 29.

⁶³ Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Перевод и вступительная статья И. И. Полосина. Изд. М. и С. Сабашниковых, М., 1925, стр. 113.

⁶⁴ «В Москве в XVI в. был даже особый книжный ряд», — говорит С. В. Бахрушин (С. В. Бахрушин. Научные труды, т. I, стр. 34, со ссылкой: ЦГАДА, Собр. Мазурина, № 273, № 194).

благое в зло превратити». «Начальники» — это светские лица, занимавшие высокие должности в государственном аппарате; «священноначальники» — это церковные иерархи. «Учители» — это, конечно, не те школьные учителя, о которых говорил Стоглав; это церковные деятели, которые хотя могли и не иметь высокого сана, но были в то же время идеологами церкви; это были те, которые «учили всех на вся душеполезная и спасенная», как сказано в грамоте митрополита Алексея 1356 г. Таким был, например, инок Отенского монастыря Зиновий, современник Федорова. Он много писал против современных еретиков. Как поборник старины, Зиновий считал недопустимым «возводить в книжные речи от народных». ⁶⁵

Обвинение в ереси — страшное обвинение. И под него можно было подвести нарушения «буквы» богослужебных книг, которые в первопечатном Апостоле и во втором издании Часовника встречаются на каждом шагу. Ведь именно такая ересь лет за сорок до того послужила если не причиной, то поводом к тому, чтобы Максима Грека, заковав в кандалы, бросили в тюрьму, запретив ему писать. ⁶⁶ Подобной же каре в 1618 г. подвергся архимандрит Троице-Сергиевой лавры Дионисий вместе со своими товарищами за то, что в исправленном ими в соответствии с канонотребником, по доносу некоторых лаврских монахов, нашли ересь, хотя ее там и в помине не было. ⁶⁷

Однако для Федорова и Мстиславца нестрашен был официальный суд, так как все исправления против рукописных книг, в том числе и против Апостола самого митрополита Филиппа Колычева, ⁶⁸ были сделаны и одобрены соответствующими властями, иначе они не перепечатывались бы в течение столетия Московским печатным двором. Поэтому, обвиняя первопечатников в ереси, враги книгопечатания возбудили против них «черных людей града Москвы», как называет Никоновская летопись московский посад. ⁶⁹

Но помимо причины политического характера — ненависти феодальной оппозиции к книгопечатанию, как к одному из средств идеологического укрепления централизованного государства — возможно, были и причины иного порядка, вызвавшие обвинение первопечатников в ереси. О «зависти и ненависти» к первопечатникам со стороны «ненаучных и неискусных в разуме человек, ниже грамотическия хитрости навывкше», пишет сам Федоров в той же львовской «Повести». Вряд ли можно игнорировать это свидетельство первопечатника. Но эти «зависть и ненависть» исходили из другого источника. Подготовка к печати Апостола и Часовника требовали и «разума», и «грамотической хитрости». Последней обладали в то время немногие. Признание, которое получили у властей Апостол и второе издание Часовника, и породило в них «зависть и ненависть» к первопечатникам. А так как текст этих изданий к тому же сильно отличался от обычных, то завистники и свой голос присоединили к голосу «начальников», «священноначальников» и «учителей», обвинявших первопечатников в ереси.

Не исключены и моменты чисто личного порядка. Книгопечатание — детище Грозного. Флетчер писал, что «типография была основана ...

⁶⁵ См.: В. С. Иконников. Максим Грек и его время, изд. 2. Киев, 1915, стр. 471.

⁶⁶ Там же, стр. 477, 495—496.

⁶⁷ Макарий. История русской церкви, т. VIII, кн. III, стр. 178—185.

⁶⁸ Хранится в БАН: «Сол. 5». На первом, пустом листе написано: «Апостол Филиппа митрополита», на другой стороне: «Книга игумена Филиппа Колычева, Апостол».

⁶⁹ ПСРЛ, т. XIII, 1-я половина, стр. 194.

к величайшему его удовольствию». ⁷⁰ С этими словами Флетчера следует сопоставить послесловие Федорова в московском Апостоле, в частности его свидетельство, что «царь ... нещадно даяше от своих царских сокровищ делателем ... Ивану Федорову да Петру Тимофееву Мстиславцу на составление печатному делу и к их упокоению». Вот эта царская милость и могла вызвать «зависть и ненависть» к печатникам. Но основной причиной, заставившей Федорова и Мстиславца уйти за пределы Московского государства, было, конечно, «озлобление ... начальник, священноначальник и учитель» против книгопечатания, как одного из факторов централизаторской политики Грозного.

В данном случае есть некоторая параллель с современником Федорова, видным политическим мыслителем Ермолаем-Еразмом. Ермолай тоже подвергался преследованиям «ради зависти», как писал он, обращаясь к Грозному: «иногда же пред тобою и позорна наркоша мя и бесна своея ради зависти». И дальше просит защиты у Грозного: «от ненавидящих мя ... их же един ты могши взрадити, а ин никто же». ⁷¹

Невольно возникает вопрос, почему же с аналогичной просьбой не обратился к Грозному Федоров, почему не искал он у него защиты? Ведь судя по первым строкам львовской «Повести», где Федоров мог совершенно свободно говорить о царе, отношение Грозного было к нему отнюдь не враждебно, скорее наоборот. Возможно, что Федоров и делал такие попытки, но «доступити» царя было нелегко. «11 лет минуло, не могу доступити тебя, государя...», — писал другой современник Федорова, выдающийся публицист, идеолог дворянства Иван Пересветов. — Кому ни подам память, и они до тебя, государя, не донесут, велможы твои». ⁷² О том же говорит он и в другом месте: «А яз тебя, государя, благовернаго царя, доступити не могу, пожаловатися на них». ⁷³

Хотя Грозный в это время и был поглощен всевозможными заботами по устройству опричнины, однако трудно допустить, чтобы распушенные слухи о ереси первопечатников не дошли до него. Но чем он мог помочь им? Виновники этих слухов, сделав свое черное дело, отошли в сторону; а применять репрессии к посаду было не в интересах Грозного. Посад — это те слои Москвы, которые в январские дни 1565 г. решительно стали на сторону Грозного: «А хто будет государьских лиходеев и изменников, и они за тех не стоят и сами тех потребят», ⁷⁴ — заявили они. «Выступление посада и явно враждебная его позиция по отношению к боярству понудили феодальную знать, группировавшуюся вокруг митрополита Афанасия, капитулировать перед царем». ⁷⁵ Взять печатников под свою защиту, «повелети» им продолжать печатание значило рисковать вызвать возмущение посада. Причины же для этого были: те «волки» и «сильные», избавить от которых просили Грозного посадские, оставались в своей силе. А «возмущение великое» 1547 г., когда «изменники, — писал Грозный Курбскому, — наустили были народ и нас убити», ⁷⁶ вряд ли изгладилось из его памяти. На Стоглавом соборе, вспоминая о событиях, связанных с пожаром, он признался, что «от сего убо вниде страх в душу мою и тре-

⁷⁰ Д Флетчер. О государстве Русском, изд 2 СПб., 1905, стр. 96

⁷¹ В. Ф Ржигга Литературная деятельность Ермолая-Еразма. — ЛЗАК, 1926, вып XXXIII, стр. 192

⁷² Сочинения И. Пересветова. Под ред. Д. С. Лихачева. Изд. АН СССР, М—Л, 1956, стр. 163.

⁷³ Там же, стр. 164.

⁷⁴ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 393.

⁷⁵ С. В. Бахрушин. Классовая борьба русских городов XVI—начала XVII в — Ученые записки МГУ, вып. 156, Труды Кафедры истории СССР, М., 1952, стр. 26.

⁷⁶ Послания Ивана Грозного, стр. 35 (первое послание Курбскому).

пет в кости моя, и смирися дух мой».⁷⁷ При таких условиях благоразумнее было предоставить печатникам возможность уйти за пределы Московского государства.

О ереси как формальной причине, принудившей Ивана Федорова и Петра Мстиславца к уходу за границу, писали многие авторы, начиная с В. С. Сопикова до нашего времени. Одни из этих авторов: В. С. Сопиков,⁷⁸ М. Погодин,⁷⁹ С. Соловьев,⁸⁰ Я. Головацкий,⁸¹ И. Порфирьев⁸² и др. — не говорят, кто же были их обвинители, или говорят очень общо и туманно: «Это были друзья и служители тьмы ... ненавистники света», — как мы это читаем в названной статье М. Погодина.

Другие, начиная с Н. М. Карамзина, считают, что обвинителями перепечатников были переписчики книг. «Сие важное предприятие ... возбудило негодование многих грамотеев, которые жили списыванием книг церковных. К сим людям присоединились и суеверы».⁸³ Эту же мысль, с некоторыми вариантами, высказывают и многие другие авторы: Евгений Болховитинов,⁸⁴ Филарет Гумилевский,⁸⁵ И. А. Сахаров,⁸⁶ М. А. Максимович,⁸⁷ Д. Иловайский,⁸⁸ А. Дмитриевский,⁸⁹ А. А. Кизиветтер, С. В. Бахрушин⁹⁰ и многие другие. Это же утверждение перенесено и в учебник истории СССР для средней школы.⁹¹ Некоторые из названных авторов, сказав о переписчиках, добавляют далее, например И. А. Сахаров: «Народ явно кричал, что печатники колдуны», а А. А. Кизиветтер, что «печатный двор — пристанище нечистой силы».

Против того, что обвинители в ереси Ивана Федорова и Петра Мстиславца были «друзья и служители тьмы... ненавистники света», возразить, конечно, ничего нельзя. А вот с тем, что книгопечатание, «подрывая рукописное книжное ремесло, вызывало раздражение среди специалистов

⁷⁷ Стоглав, изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1863, стр. 31.

⁷⁸ В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии, редакция и примечания, дополнения и указатель В. Н. Рогожина, ч. I. СПб., 1904, стр. XXXIII.

⁷⁹ М. Погодин. Гонение первопечатников. Трехсотлетие первого друкера на Руси Ивана Федорова, 1582—1883. Юбилейное издание журнала печатного дела «Обзор графических искусств». СПб., 1883, стр. 9.

⁸⁰ С. Соловьев. История России с древнейших времен, т. VII, стр. 243.

⁸¹ Яков Головацкий. Начало и действование ставропигийского братства в Львове по отношению историко-литературному. — Зоря галицкая, яко альбум на год 1860. В Львове, стр. 471.

⁸² И. Порфирьев. История русской словесности, ч. I, изд. 7. Казань, 1904, стр. 539.

⁸³ Н. М. Карамзин. История государства Российского, кн. III, т. IX. СПб., 1843, гл. 1, столб. 28.

⁸⁴ (Е. Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина, т. I, изд. 2. СПб., 1827, стр. 276.

⁸⁵ Филарет Гумилевский. Обзор русской духовной литературы, кн. I, 862—1720, изд. 3. СПб., 1884, стр. 148.

⁸⁶ И. А. Сахаров. Первые русские типографщики. — Сборник. СПб., 1838, стр. 5—6.

⁸⁷ М. А. Максимович. Книжная старина южнорусская. — Собрание сочинений, т. III, Киев, 1880, стр. 664.

⁸⁸ Д. Иловайский. История России, т. III. Московско-царский период. М., 1890, стр. 518.

⁸⁹ А. Дмитриевский. Диакон Иван Федоров, первый русский книгопечатник. — Православное обозрение. М., 1883, ноябрь, стр. 502.

⁹⁰ С. В. Бахрушин. Начало превращения Русского государства в многонациональное централизованное государство. — История СССР, т. I, изд. 2. М., 1947, гл. XIX, стр. 361.

⁹¹ История СССР, учебник для 8-го класса средней школы. Под ред. проф. А. М. Панкратовой. М., 1952, стр. 157. — Ввиду того что данный учебник, выдержавший много изданий и переведенный на языки народов СССР, разошелся в миллионах экземпляров, высказывание это приобретает значение как бы общепризнанной истины.

этого дела»,⁹² согласиться трудно, так как даже в XVII в., когда продукция печатного станка неизмеримо возросла по сравнению с 60-ми годами XVI в., рукописная книга стоила дешевле печатной.⁹³ Специалисты рукописного книжного ремесла не представляли собой какой-либо компактной массы. Существовали рукописные мастерские, например в Троице-Сергиевой лавре,⁹⁴ у попа Сильвестра,⁹⁵ но число ремесленников в таких мастерских не могло быть большим. Основная масса писцов-ремесленников была разбросана «по градам», как это отмечает Стоглав (гл. 28). Среди них, как среди лиц, ближе других стоящих к книжному производству, могло возникнуть более сильное недовольство и Федоровской редакцией, и новым способом изготовления книг, и недовольство это передалось и той массе, которую сумели возбудить против печатников феодальные верхи, добиваясь уничтожения книгопечатания.

В. В. Стасов тоже считал, что «Иван Федоров и Петр Мстиславец были обвинены в ереси».⁹⁶ Но для него эта ересь представлялась в совершенно ином виде. «Гораздо вероятнее предположить, — писал он, — что вся ересь их заключалась в том, что они с похвалой отзывались ... о тюрбингенских изданиях. Быть может, они даже усиливались ввести их в России». Мнение это, как и его мнение об отправке «людей, назначенных в типографшники, учиться книгопечатному мастерству» в Тюбинген, не подтверждается ни одним документом; что же касается того, что наши первопечатники, «быть может ... даже усиливались ввести их (тюрбингенские издания, — Г. К.) в России», то это было невозможно уже в силу того, что тюрбингенские, как и урахские издания, «харвацки истумацена» и были просто непонятны на Москве по своему языку.

Галицкий ученый А. С. Петрушевич, говоря о ереси первопечатников, писал, что под ересью «надо здесь подразумевать протестантское учение», которым, «может быть, могли они заразиться от своего руководителя Ганса».⁹⁷

По вопросу об уходе первопечатников за рубеж есть и единичные высказывания, авторы которых совершенно не считаются с общеизвестными фактами. Так, анонимный автор в 1806 г. писал: «Когда кн. Константин Острожский предпринял издать Библию на славянском языке, царь не только послал к нему древние рукописи славянских переводов, но и отправил искусного типографшника московского Ивана Федорова».⁹⁸

Полным курьезом звучит противоположное утверждение польского автора, высказанное уже в наше время: Иван Федоров бежал от «гнева царя Ивана Грозного и его доносчиков».⁹⁹ Утверждение это идет в разрез со словами самого Ивана Федорова о Грозном в его львовской «Повести».

⁹² С. В. Бахрушин, А. А. Зимин. Просвещение, наука, литература. — В кн.: История Москвы, т. I, Период феодализма XII—XIII вв. Изд. АН СССР, М., 1952, стр. 246.

⁹³ В. Адрианова. Материалы для истории цен на книги в древней Руси XVI—XVIII вв. СПб., 1912, стр. 19, 28, 32; А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография, изд. 2. СПб., 1908, стр. 23.

⁹⁴ А. А. Сидоров. Древнерусская книжная гравюра, стр. 83.

⁹⁵ Д. П. Голохвастов и Леонид Кавелин. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. — ЧОИДР, 1874, кн. I, стр. 51.

⁹⁶ В. В. Стасов. Разбор рукописного сочинения г. Ровинского «Русские граверы и их произведения с 1564 г. до основания Академии художеств». — Собрание сочинений, т. II, СПб., 1894, стлб. 167.

⁹⁷ А. С. Петрушевич. Иван Федоров, русский первопечатник. Историко-библиографическое рассуждение. Львов, 1883, стр. 14.

⁹⁸ Что сделано в России для просвещения народа и для славы отечества от времен Рюрика до Петра Великого. — Вестник Европы, М., январь, 1806, № 1, стр. 19.

⁹⁹ A. Jędrzejowska. Książka polska we Lwowie w XVI w. Lwów—Warszawa, 1928, стр. 3.

Особняком стоит предположение М. Н. Тихомирова «о добровольном отъезде Ивана Федорова из Москвы». М. Н. Тихомиров полагает, что Иваном Грозным первопечатники «были отпущены в Литву», к Ходкевичу, для того чтобы печатать там православные книги. «Царь показал этим свое благожелательное отношение к литовским магнатам», — говорит он,¹⁰⁰ так как «поддержка православия была для них делом не только религии, но и политики».¹⁰¹ Выходит, что наши первопечатники были отпущены в Литву в своеобразной роли политических эмиссаров русского царя. С этим мнением нельзя согласиться. Оно противоречит свидетельству самого Ивана Федорова в его львовской «Повести», не имеет с ним ничего общего. Зачем было ему выдумывать, что «озлобление от многих начальник и священноначальник и учитель ... зависть и ненависть ... от земля и отечества и от рода нашего изгна»? Он мог просто умолчать о причинах своего ухода из Москвы. И как мог эмиссар Грозного, выполняющий его поручение, оказаться во Львове в столь бедственном положении? «Помощи прося от них (богатых и благородных, — Г. К.) ... припадая на лица земном, сердечно каплющими слезами моими ноги их омывах», — рассказывает он в той же «Повести».

Есть еще одно обстоятельство, говорящее против предположения М. Н. Тихомирова. В первой половине 1567 г. Ходкевич присылает князьям И. Ф. Мстиславскому и М. И. Воротыньскому, а также боярину И. П. Федорову¹⁰² письма с предложением «израдоу быти»,¹⁰³ т. е. Грозного, обещая им всяческие блага в Польско-Литовском государстве, приводя в пример Андрея Курбского. Хотя у политики своя мораль, но кажется совершенно невероятным, чтобы в то время, когда Иван Федоров и Петр Мстиславец, «отпущенные» к нему Грозным, работали в его Заблудове над устройством типографии, сам Ходкевич призывал бояр Грозного к измене своему государю — «израдоу быти».¹⁰⁴ Так же невероятно и другое: как Грозный в своих ответных посланиях Ходкевичу, написанных от имени бояр, ругая площадной бранью («искурвины дети») его и его единомышленников, Грозный, такой несдержанный в своих порывах, не повелел Федорову и Мстиславцу прекратить их деятельность у Ходкевича.

В доказательство своего предположения М. Н. Тихомиров приводит «Ответ» неизвестного православного автора на анонимную католическую брошюру 1753 г., написанный примерно в 1754 г. В нем разоблачаются утверждения анонимного автора о том, что гетман Ходкевич был католиком.¹⁰⁵ Доказывая православие Ходкевича, автор пишет, что он просил Грозного прислать ему друкарню и друкаря и «царь прислал к нему целую друкарню и типографа именем Иоанна Федоровича, из той друкарни вышла книга ... Апостол».

В «Ответе», написанном в пылу полемики почти через 200 лет, его автор перепутал все факты, отголоски которых ему были известны, и вывел из них нужное ему утверждение о православии Ходкевича. Федоров действительно напечатал в Заблудове две книги, но не Апостол. Как было уже сказано, Ходкевич в 1561 г. вместе с другими литовскими магнатами

¹⁰⁰ М. Н. Тихомиров. Начало московского книгопечатания, стр. 94.

¹⁰¹ М. Н. Тихомиров. Начало книгопечатания в России. — В кн.: У истоков русского книгопечатания. Изд. АН СССР, М., 1959, стр. 27.

¹⁰² Послания Ивана Грозного, стр. 241—277.

¹⁰³ Там же, стр. 275.

¹⁰⁴ Там же, стр. 272.

¹⁰⁵ М. Н. Тихомиров. Начало книгопечатания в России, стр. 38.

отправил к Грозному Исаию Камянчанина с просьбой прислать нужные им книги, но отнюдь не с просьбой о присылке друкаря.

Могла быть и еще одна причина, полагает М. Н. Тихомиров, которая заставила Федорова выехать в Литву «Вероятно, ко времени переезда Федоров овдовел, и это могло быть одной из причин, по которой оставление его во главе печатного дела в Москве было неудобно. Ведь, согласно существовавшим тогда в России правилам, овдовевшие белые священники и дьяконы должны были постригаться в монахи»¹⁰⁶ Постановление Стоглава, безусловно в ту пору действующее, не обязывало к пострижению в монахи. «А которые попы и дьяконы вдовые обещаются в чистоте пребывать, и тем давати благословленные грамоты . . . и вся священническая им действовать . . . оприче божественныя литургии». Но если «вся мирская те вдовые попы и дьякони почнут творити, и им . . . от церкви божия не питатися и жити с мирскими людьми, и тягло им государево давати с миром вкупе» (гл. 81).

Ни в одной из своих книг, напечатанных за пределами Московского государства, Федоров не называет себя дьяконом. Из одного львовского документа 1584 г.¹⁰⁷ видно, что еще в этом году дети Федорова были несовершеннолетними. Это дает основание считать, что Федоров овдовел и сотворил «мирская». Могло это произойти и в Москве, но уже после выхода в свет второго издания Часовника, в послесловии к которому он еще называет себя дьяконом. Если это так, то к такому поступку его могли отнести на Москве недоброжелательно, но неужели настолько, что это помешало ему в своей «земле и отечестве» продолжать излюбленное искусство наравне с другими мирскими?

Все это не позволяет согласиться с предположением М. Н. Тихомирова. Уход первопечатников был не свободным, а вынужденным. О причинах его говорит Федоров сам. Основная причина — оппозиция феодальных верхов политическим мероприятиям Грозного, в числе которых было и его возлюбленное детище книгопечатание. Эта оппозиция избрала средством удаления первопечатников за пределы Московской державы обвинение их в ереси, надеясь тем самым прекратить и книгопечатание на Москве.

Многие авторы, ссылаясь на Флетчера, считают, что типография Федорова была сожжена. Но Флетчер¹⁰⁸ был в Москве в 1588—1589 гг., т. е. года через 22 после того, как печатники оставили Москву. О том же писал с чужих слов Андре Теве в своей книге «Vrais portraits des hommes illustres», которая вышла в Париже в 1584 г.¹⁰⁹ Эти два источника различного происхождения не позволяют отмахнуться от сообщения о пожаре. Но сгорела, несомненно, не федоровская типография. Прежде всего, если бы его типография была сожжена, он сам сказал бы об этом в своей «Повести». Ведь говорит же он в ней достаточно подробно о тех гонениях, какие пришлось ему претерпеть в Москве. Но главным доказательством того, что типография Федорова не была сожжена, является тот факт, что через три года после выхода в свет Часовников тем же шрифтом его ученики Никифор Тарасиев и Андроник Тимофеев Невежа напечатали в Москве Псалтырь. Тем же шрифтом печатает Федоров и свои последующие книги за пределами Москвы. Шрифт его, очевидно, остался

¹⁰⁶ Там же стр. 37

¹⁰⁷ Из этого документа видно, что 2 апреля 1584 г. к властям города Львова явился львовский гражданин Георгий Рурмист и заявил, что далее «он не может выполнять обязанности опекуна над детьми покойного Ивана Федоровича друкаря»

¹⁰⁸ Д. Флетчер. О государстве Русском, стр. 96

¹⁰⁹ См. Andre Thevet Cosmographie moscovite Paris, 1858, стр. 165

в Москве, а с собою он взял матрицы или пунсоны его. Книжные украшения московского Апостола и Часовников Федорова видим в его заблудовских, львовских и острожских изданиях и даже в дерманском Октоихе 1604 г.¹¹⁰

Угроза расправы как с еретиком, с одной стороны, отсутствие возможности в ближайшее время из-под своего станка «духовная семена по вселенной разсевати», с другой, вынудили Ивана Федорова и его соратника Петра Тимофеевича Мстиславца «от земля и отечества и рода» своего уйти «в ины страны незнаемы». Такой страной для московских эмигрантов была тогда Литва.

Для «энтузиаста-типографщика», как назвал Ивана Федорова Карамзин, Литва была правлекательна, кроме убежища, еще и как страна, где он мог надеяться на возобновление вместе с Петром Мстиславцем «печатного дела», так блестяще начатого и, к его глубокому прискорбию, прерванного в Москве. В Белоруссии, первой из стран восточного славянства, была открыта типография, в которой в 1525 г. «працею и великою пильностию Доктора Франциска Скорины с Полоцка»¹¹¹ был напечатан Апостол и около того же времени — «Малая подорожная книжица».¹¹² Не могли не знать наши печатники как люди, проникнутые книжными интересами, и того, что в Москву летом 1561 г. прибыл из Литвы Исаия Камяничанин. Его отправили сюда магнаты великого княжества Литовского. Среди них был и «гетман наивышший» Григорий Александрович Ходкевич. Камяничанин должен был «испросити» у Грозного ряд книг, в том числе Учительное Евангелие и Библию, чтобы ее «выдати тиснением печатным».¹¹³

О времени, когда Иван Федоров и Петр Мстиславец оставили Москву, у нас нет никаких документов. Мы не знаем даже года, не говоря уже о более точной дате. Уехали они, взяв с собою, как мы видели, типографские принадлежности, а Федоров взял и семью. Это говорит о том, что отъезд их не был бегством и совершился в достаточно спокойной обстановке. Произошел он вряд ли ранее второй половины 1566 г. М. Н. Тихомиров пишет: «В январе 1566 года в Москву приходил от короля посланник Василий Загоровский. Возможно, что наши первопечатники были отпущены в Литву вместе с Загоровским».¹¹⁴ Но в своей более поздней статье М. Н. Тихомиров дает дату шире: «Отъезд первопечатников состоялся в 1565—1566 гг.».¹¹⁵

Говоря о времени отъезда первопечатников за границу, надо исходить из тех взаимоотношений, какие существовали тогда между Москвой и Польско-Литовским государством. С осени 1565 до мая 1566 г. оба государства находились в состоянии войны. При таких условиях отъезд в Литву для Федорова был невозможен: он означал бы просто измену своей «земли и отечеству». Да и переезд с семьей и имуществом через линию фронта, хотя бы и не сплошную, был сопряжен с большими опасностями.

¹¹⁰ Но М. Н. Тихомиров считает, что «Псалтырь напечатана не тем же шрифтом, что Апостол и Часословец, и что типография, ее печатавшая, не была типографией Ивана Федорова и Петра Мстиславца» (М. Н. Тихомиров. Начало книгопечатания в России, стр. 39).

¹¹¹ Из послесловия к Апостолу 1525 г. (Каратаев, № 18).

¹¹² Каратаев, № 19.

¹¹³ П. А. Сырку. Из истории сношений русских с румынами. — ИОРЯС, т. I, 1896, стр. 498—499. См. также: Д. И. Абрамович. К литературной деятельности мнixa Камяничанина Исаи. Изд. ОЛДП, СПб., 1913.

¹¹⁴ М. Н. Тихомиров. Начало московского книгопечатания, стр. 94.

¹¹⁵ М. Н. Тихомиров. Начало книгопечатания в России, стр. 36.

Но 30 мая 1566 г. «пришли ко царю ... от Жигимонта—Августа ... послы»¹¹⁶ для переговоров о заключении мира. Переговоры не дали положительных результатов, и 17 июля, отпуская литовских послов, Грозный отправил в Литву и «своих великих послов ... доделывати» мир между обоими государствами. Очевидно, во вторую половину 1566 г. первопечатники и отправились в «незнаему» для них дотоле Литву. Здесь в конце 1566—начале 1567 г. происходил в Городне сейм.¹¹⁷

Узнав о сейме, печатники и направились в Городню,¹¹⁸ рассчитывая встретить здесь, на сейме, кого-либо из инициаторов книжной миссии Исаии Камянчанина. Доказательством того, что они были там во время сейма, служат слова Федорова в его «Повести»-послесловии: «Восприяша нас любезно благочестивый государь Жигимонт Август, король польский». За пределами сейма это свидание не могло состояться. В Литву наши печатники ушли не затем, чтобы нанести визит королю, да вряд ли такой визит простых ремесленников и был возможен, а затем, чтобы продолжать здесь свое излюбленное «печатное дело». В русских же печатниках король не нуждался.

На сейме Федоров и Мстиславец действительно нашли, кого искали. Узнав, что на сейме есть один из инициаторов миссии Камянчанина, «Григорей Александрович Ходкевича (так!) ... гетман наивышшии великого князьства Литовскаго», они обратились к нему. Для Ходкевича наши печатники были истинной находкой. Чтобы легализовать пребывание московских выходцев у себя, Ходкевич представил их королю (вот при таких-то обстоятельствах король и «всприяша» их «любезно») и «умоли» его отпустить их к себе.

Ходкевич — рассказывает в той же «Повести» Федоров, — «прия нас любезно ... и всякими потребами телесными удовляше нас». В его имении Заблудове в 1569 г. они напечатали вдвоем Учительное Евангелие,¹¹⁹ а в следующем году уже сам Иван Федоров напечатал здесь Псалтырь с Часословцем.¹²⁰

¹¹⁶ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 403.

¹¹⁷ Н. А. Максимейко. Сейм Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 года. Харьков, 1902, Приложение, стр. 152; М. К. Любавский и Литовско-русский сейм — ЧОИДР, 1901, кн. II, стр. 681 и сл.

¹¹⁸ Б. В. Сапунов. О прекращении деятельности первых типографий в Москве — ТОДРЛ, т. XII М—Л, 1956, стр. 437.

¹¹⁹ Каратаев, № 75.

¹²⁰ Каратаев, № 77.